

МУРКО
МУРЧЕНКО

ДЕВЯТЬ
ЖИЗНЕЙ КОТА
ПО ИМЕНИ
ШЕВА

16+

Мурко Мурченко
Девять жизней кота
по имени Шева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42160343

SelfPub; 2019

Аннотация

Если вы читаете эти строки, то меня уже нет на этом свете.
Хочу поведать вам о моей кошачьей жизни и чем она приметна.

Содержание

Жизнь номер один. Первый день вдали от родного дома	4
Жизнь номер два. Мне нет ещё и года, а приключений не становится меньше	27
Жизнь номер три. Два года, или как я оказался на волосок от собачьей пасти	35
Жизнь номер четыре. Три года, когда случился первый кризис	43
Жизнь номер пять. В четыре года появляется самая любимая кошка в моей жизни	68
Жизнь номер шесть. Пять лет, которые омрачены её уходом	76
Жизнь номер семь. Семь лет; никогда такого не было и вот опять	83
Жизнь номер восемь. 14 лет приносят мне сомнительный подарок	95
Жизнь номер девять. 15 лет. Пришло время прощаться	110
Послесловие	134

Жизнь номер один. Первый день вдали от родного дома

Мне хочется кричать долго и громко от ужаса при виде такого огромного количества двуногих, открытого пространства, движущих объектов – быстрых и не очень. Чувствую себя прямо-таки букашкой, которую кто-нибудь да раздавит, не моргнув глазом! Но хуже всего – это непрекращающаяся какофония из громких и протяжных звуков, бивших по черепной коробке. Мои уши подрагивают, мне хочется закрыть их, чтобы не быть оглушаемым этим каждый миг. После спокойной домашней обстановки под матушкиным крылом открывшийся неведомый доселе мир олицетворял все круги ада.

Только подумать! Ещё утром я таскался за братишкой, как угорелый. Он со своей светлой рыжей шерстью напоминал солнышко, которое спустилось с неба в квартиру всем на радость. Мы с ним дурачились во все возможные игры, которые мы могли придумать с нашей небогатой фантазией. Затем, вдоволь наигравшись, мы бежали к нашей маме, которая нас вылизывала как можно более тщательно. Я, приложившись к ней, невольно засыпал. И так было день за днём. В моей жизни всё было прекрасно. Достаточно прекрасно, чтобы лишить меня всего этого.

Но потом хозяин взял меня в руки, когда я едва очнулся от внезапной дремоты под мягким тёплым боком матушки. И я даже не подозревал в эту минуту, что меня больше не будет рядом с ней. Мама тоже не подаёт виду, что её побеспокоил внезапный порыв хозяина взять меня. Он мне что-то говорит, но я ничегошеньки не понимаю; его болтовня совершенно не вызывала даже доли интереса. Но точнее хотел, чтобы он отпустил меня на пол, где снова бежал выпавшийся братишка с вытаращенными глазами, напоминавшие пять копеек. Чем богаты, как говорится.

Я не успел моргнуть своими очаровательными глазками, как двуногий понёс меня, прижав к своей чересчур ароматной широкой груди, от чего мой нос щекотало всю дорогу. Я хотел было вывернуться из его объятий, но они были слишком крепки как для меня, беззащитного крошки.

Мы оказываемся в другом помещении, где мне не доводилось бывать раньше. Двери, лестницы, окна – совершенно скучное зрелище. За закрытой входной дверью раздалось жалобное мяуканье. Я закричал в ответ, потому что это был голос моей матушки. Как оказалось, это был последний наш разговор. Больше нам не суждено было увидеться, но это я слишком опережаю события, прошу прощения.

На этом открытия не закончились. Впервые я вдохнул уличного воздуха, полного пыли, автомобильных выхлопов, мусора и всего подобного, имевшего удушливый запах, и на фоне этого грудь двуногого оказалась не такой уж и непри-

ятной. Где-то рядом залаяла собака, и моё сердце невольно забилося, как свободолюбивая птичка – о прутья клетки. Я зарылся мордочкой в жёсткую ткань рубашки на груди, и только так я благополучно пережил внезапное путешествие туда, куда я вообще не думал собираться. Мы попали в очень шумное место, где много двуногих сбивалось плотно в одну кучу, и иногда кому-то требовалось протиснуться, и это была такая катастрофа. Я думал, что от меня не останется и мокрого места. За окном очень быстро пронеслись высокие здания, деревья, постепенно оголявшиеся от листвы, люди, машины. От подобного зрелища мне приходилось зажмуриваться, чтобы не чувствовать наступающего головокружения. И дышать было трудно. Двуногие не могли спокойно стоять. Крики, толчки, тяжёлый шлейф дешёвых и щедро налитых на тела духов. Моей радости не было предела, когда мой двуногий соизволил выскочить из этого дурдома на колёсах. Знать бы, что он вообще задумал! Я не мог представить, куда он меня несёт. Я цепляюсь изо всех сил в рукава его кофты, чтобы наверняка.

Наконец-то он подходит к какому-то серому зданию. О, здесь немного тихо, и мои уши с удовольствием слушают далёкие мяуканья незнакомых котов. Над головой, которую солнце пригрело мягкими тёплыми лучами, пролетают пара больших птичек. Они достаточно заняли мой пытливым ум, чтобы я не заметил, как оказался в другой квартире.

Она оказалась совершенно не такой, что я ожидал. Я рас-

считывал, что меня просто потаскают зачем-то, а потом я буду снова лежать возле мамочки, которая будет умыть не только братишку. Узкий тёмный коридор, по одну сторону – небольшая комната, именуемая туалетом, по другую – большая комната, где стояли два дивана, стол и ещё куча непонятных вещей. И последнее: в конце коридоре была ещё одна дверь, которая вела в небольшую кухню, ярко освещаемую солнцем. И никакого следа пребывания котов. Это, понятное дело, не могло не насторожить. Зачем я здесь? Мне и так не было весело, но теперь я совсем приуныл вопреки своей жизнерадостной натуре.

Меня зачем-то сразу же поднесли к спящей двуногой. Я не понимая, что и зачем, в панике начинаю вертеться и кричать. И вот соня (утро уже заканчивалось) открывает свои глаза в полном недоумении.

– Оля, смотри, к тебе котёнок пришел. – Сказал кто-то из двуногих; я, если честно, не обращал внимание то, чьи именно были эти слова. Но я точно не приходил!

Некая «Оля» бережно взяла меня из рук моего двуногого, и это окончательно выбивает меня из колеи. Чужая квартира, чужая двуногая... Приятного было мало. Она с заметным интересом осматривает меня, как шляпу – на рынке. Хоть она шептала и старалась не напугать меня, всё равно впечатление от неё сложилось не самое лучшее. Слишком шумно дышит, неуклюжая поди, и при обращении к ней у всех заметно повышается голос. Вообще, в этот момент я очень хо-

тел оказаться в объятиях своей мамы. Играть там, где вырос. Делить с братом игрушки и вкусненькое. Моё сердце словно было готово разорваться на мелкие кусочки. Я верчу мордой во все стороны, высматривая что-то приятное, но увы.

Потискав меня от души (ох и несладко мне пришлось!), она отпустила меня на пол. К тому времени мой двуногий уже покинул квартиру, и я с грустью глядел на окружающую обстановку. Всё в ней было чужое и неуютное. Я прошёл немного туда-сюда. И мой взор падает на диван. Точнее, не на него, а на пустующее место под ним. Я могу оправдаться тем, что мной двигал страх и желание высказать чёткое «Нет» этому дому. Эта Оля бросается за мной и не успевает поймать. До меня нельзя дотянуться и она с досадой наблюдает за мной, стоя на четвереньках. Того и требовала моя душа, жаждущая бросить вызов всему и вся.

– Оу, а здесь тоже ничего! – подумал я, принявшись к молоку в блюдечке. До этого меня пытались вытащить из-под разложенного дивана под любыми предлогами. И только жажда спутала мои карты! Как же это страшно! Ещё утром я ластился к любимой маме, а теперь меня окружают два высоких и очень шумных существа. Не то чтобы мне такие никогда не попадались. Нет, прежние такие же: высокие, шумные, непредсказуемые. То они хватают тебя, когда ты бежишь за вертлявым хвостиком брата, то болтают всякую чушь в ушко. Довольно странные создания, не то что мы – коты. Правда, ведь вы когда-нибудь видели, чтобы коты хватали людей,

чтобы дышать им прямо в лицо, приговаривая всякие глупости? Вот то и оно. Просто те двое для меня представляют новую загадку: что они имеют себе на уме?

Вот вволю отпив вкусного молочка до последней капли, я не был дураком, упавшим с неба: полез опять под диван, пока одно двуногое убирало блюдечко с остатками. Другое занималось чем-то своим, не обращая на меня внимание. После чего опять пытаются меня вытащить наружу, но черта с два! Может меня наконец-то вернут к маме? Эх, мамуля... Как же мне тебя не хватает!

Пока я сижу в укромном тёмном углу, откуда меня никому не достать, поведаю вам, что представляю собой. Так, размером я невелик: помещаюсь спокойно на ладони самого меньшого из двуногих существ в этом жутком месте. Страшно там, кстати, находиться. Смотрят на тебя в упор, дышат громко, а уж как только рот открывается!... Удивительно, что меня не съели. Ой, опять отвлёкся со своими страхами! Месяца мне два от роду, не больше. Шёрстка у меня густая и серая с чёрными полосками, иногда плавно попадаются цвета посветлее. Нос рыжеватый, а глазки – серо-зеленые и прямо-таки широко распахнутые блюдца. И хвост, конечно, имеется! А усищи-то какие! Наверное, когда я вырасту, то они будут два метра в длину! Скажите, я красавчик? А хотя можете и отмолчаться – уж я-то знаю, что да. Что-то глазки закрываются... До чего же утомительна роль рассказчика!

Когда я соизволил вернуться в мир наяву, в комнате со-

бралось ещё несколько двуногих. Голоса у ниже не такие высокие, и они заметно выше, хотя куда уже. Никто из них не лез ко мне под диван. Даже некая «Оля» не держала караул, как прежде. Я встал и вытянулся дугой. Зеваю так, что чуть не сломал челюсти. Сомкнул и разомкнул веки. Затем сажусь и гляжу в отрезок, где маячат несколько пар ног. Меня совершенно не тянуло туда, мало ли затопчут такое сокровище. Пока что за мной не водится желание свести счёты со своей жизнью подобным образом. Вот посидел так минут пять, десять, пятнадцать. А дальше что? После стольких дней, наполненных беззаботным весельем и играми – подобное пассивное времяпровождение не было ничем иным, как сущим наказанием. Мне требовалось размять свои косточки, подкрепиться и всё такое, что я делал ежедневно. Неужели мне суждено так сидеть и спать, не видя белого мира? В очередной раз за день я вспомнил о моей пушистой семье. Как же мне их не хватало... Может, случится чудо, и я снова окажусь дома? Однако я с огорчением убеждался, что только зря раскатываю губу. Реальнее сорвать джекпот в миллион долларов!

Из открытой двери балкона дул прохладный ветер, но едва долетал до меня. Я огляделся вокруг себя. Пыльно, темно и неуютно. Неужели я должен здесь просидеть до окончания веков? Чем я заслужил такую кару? За то, что разодрал кресло? Но я же не то чтобы специально. Мой братишка тоже промышляет мелким хулиганством, но его оставили

с мамой. Решительно не понимаю, что да как бывает в этом ошеломляющем мире.

Пока меня донимали невесёлые мысли, в комнате опустело. Я бы не вылезал из своего укрытия, но желудок настойчиво требовал пищи, а здесь её нельзя добыть. Вот и представившаяся возможность, чем я и пользуюсь. Я очень осторожно выползаю наружу. Откуда-то сверху пахнет едой, но я очень туго соображал. Сказывался переносимый стресс. В последний раз, когда я высовывал нос, комнату озаряло солнечным светом. А теперь – лампа на потолке, и ещё и телевизор что-то вещал. Меня сбивал с толку страх, что вот-вот появятся двуногие. Пока я ползком пробирався по ковру, рядом оказалась Оля.

– Вылез наконец-то! Ты должен поесть.

– Отпусти меня, сейчас же! – кричу я, но она, глупая, лишь улыбается и несёт на кухню. Там даёт мне что-то пожевать. Я от голода решил не привередничать и попробовал. И не заметил, как всё съел. Внутри меня перестало урчать, и я испытал прекрасное чувство сытости. Что ж теперь можно бежать обратно под диван, пока не вернулись остальные! Но, увы, на этот раз мне не удаётся претворить в жизнь столь дерзкий план побега.

– Ну может, хватит просиживать под диваном? Никто тебя не обидит.

И меня укладывают на тот самый диван. Я полон растерянности: всё такое огромное и незнакомое. Я не был готов к

такому. Мои попытки прыгнуть вниз заканчиваются крахом: мой путь преграждают, куда бы я не бежал.

Ой, что-то я тут же наделал шалостей: сказалось выпитое молоко. Двуногая твердит, что так делать нельзя. Вы глядите! Могла бы сама догадаться, что мне требуется туалет, а она тупо держит в плену. Она берет меня в одну руку и направляется в туалет, где я ещё не был. Так, ничего особенного. Она отрывает кое-как бумагу и идёт вытирать следы моего преступления. Было видно, что её я не порадовал этим. И в этот момент я было решил, что может поэтому меня вернуть маме. Новая мысль приободрила так, что я начинал расставаться со страхом перед Олей.

Затем она взяла меня с собой спать, положив чуть ли перед самым носом. Эти огромные ноздри так шумно вдыхают и выдыхают воздух... Ох, то ещё испытание. Лежишь себе и думаешь, а не придавит тебя этим огромным телом? Иногда я покрикиваю, чтобы случайно не получить на своё прекрасное тельце тяжёлую ногу. Беспокойная ночь выдалась: я почти не сомкнул глаз. Сказал бы кто-нибудь тогда мне, что вскоре я сам буду прыгать на Олю – поднял бы на смех.

Проходит неделя, как меня сюда притащили, не спросив моего мнения. Квартира тесная, из-за чего мне не удавалось разбежаться в полной мере. Везде эти стены и куча мебели, которую нельзя портить бла-бла-бла. Удивительно, но, несмотря на это, здесь я чувствую себя так же хорошо, как

и в прошлом доме. Да, мне по-прежнему не хватает мамы и братишки. Но мне и здесь неплохо. Правда, мне приходится развлекать себя самому. Зато теперь эти двуногие меня уже не пугают, даже, наоборот, присматриваюсь к ним. Например, Галя – самая старшая в доме. Она старалась со мной играть, но как-то вяло. Мне казалось, что она не привыкла ко мне. Верхом её гостеприимства была прилежная кормёжка, в которую входили продукты не совсем привычные моему вечно урчащему желудку, но вкусными. Да и это было взаимно: для меня она тоже представляла собой непрочитанную книгу. Всё же я решил тогда, что она – истинная хозяйка, и никто другой. Была ещё пара двуногих, но они меня не сильно интересовали. И затем среди них выделялась самая младшая, имя которой – Оля. Вот именно она куда-то пропала на следующий день после моего появления, и я был несколько обескуражен. Потому что накануне только она проявляла ко мне самое пристальное внимание. Представьте, себе, каково такому малышу, как я, оказаться один на один с новыми условиями. Оля где-то была несколько дней, да и Галя иногда отлучалась, оставляя меня одного среди унылых стен. Так что во время отсутствия кого-либо я спал сном младенца. Царь Соломон гордился бы мной.

И вот Оля вернулась не в самом лучшем расположении духа. К её возвращению я прилично освоился в новом жилище. Правда, на следующий день после её возвращения в квартиру занесли несколько предметов. Одними из них были

кресла, на которых мне будет суждено сладко отлёживаться.

На радостях я стал скакать по квартире, словно ужаленный целым роем жужжащих крылатых. Я до и до этого так делал, но при виде Оли что-то мне подсказывало, что не стоит валяться целыми днями, аки столетний дед. Однако с её стороны чувствовалась отчуждённость. Вечно из её носа капает, а ещё она постоянно включает телевизор. Очень странная штука. Там что-то движется и шумит, но только в коробке. Вот она туда постоянно смотрит, не уделяя мне достаточно внимания. Я уже говорил, что двуногие – странные создания? По прошествию времени она соблаговолила уделять мне больше внимания. Она никогда не гоняла меня с кровати, охотно угощала съедобным, игралась. А большего мне и не требовалось. С тех пор я убедился, что хоть она для меня не авторитет, но всегда могу рассчитывать на её защиту и опеку.

К её возвращению мне дали имя Шева, в честь кого-то там, кто мячи гоняет по траве за миллионные гонорары. Странное такое чувство. Для мамы и брат ты был таким себе безмянным, а тут надо чтобы как-то звали. Но в общем-то мне было всё равно, не псина сутулая и то хорошо. Но надо заметить, что звать меня чаще будут как угодно, но не Шевой. Эта кличка чисто для формальности.

Короче, тоска по бывшему дому потихоньку покидала моё сердечко. Кормят, кто-то играет, и вовсе не так страшно, как я себе представлял в первый день. Галя – мама Оли, и

тоже не такой страшный человек, хоть и несколько грозный. Именно она обеспечивает меня едой. Хоть не всегда такой, как мне хочется, но и ладно.

Правда, ещё меня иногда ругают за то, что я писаю не туда. Эх, я же не специально, то получается само собой. Вот сидишь себе или лежишь, и бац, приспичит так, что мама не горюй! А потом выслушиваю поток ругательств в свой адрес.

В попытке произвести на этих больших существ хорошее впечатление, я ещё на второй день решил сходить на миску, куда нарвали газетных листов. Стояла она сбоку ванны сразу у двери. В моей крошечной головушке оказалось достаточно извилин, чтобы понять, что да как. Вроде им понравилось, говорят, что я – удивительный кот, раз не требую какой-то там песок. А то! Я ещё и на дудке играть могу! Шутка, конечно же. У меня же лапки. Я разве что могу гонять её при наличии желания, но это же не одно и то же?

Помните, я говорил о миске, куда я хожу по-маленькому? Если нет, то читайте предыдущий абзац. Короче, прошло два месяца. Мне так и продолжали рвать газеты, которые я удачно разметал по всему туалету. За что выслушивал в свой адрес, что надо быть куда аккуратнее. Ой, всех и вся слушать – так скоро с ума сойдёшь. Но больше мне доставалось за порчу кресел. Спал себе такой, затем встаю и того, не отходя от места... Что я не слушал в свой адрес. Но это было выше меня. Да, это по-прежнему случается. Двунogie дума-

ют, что я так шкодничая. Но оно само получается, жаль, что они этого никак не хотят понять. Так и учимся уживаться друг с другом. О прошлом доме я почти не вспоминаю. Теперь у меня другая мама, правда, довольно глупая и странная. Это, если вы ещё не догадались, Оля. Именно возле неё я мог чувствовать покой, хотя ей совершенно не нравились мои хулиганские, на её взгляд, проделки. Но зато было видно, что меня любит.

Не опять, а снова я заболтался. В гости зашёл мой прежний двуногий. Я по-прежнему таил на него сильную обиду за то, что он обрёк меня на жизнь без мамы. Я бегал рядом и делал вид, что не замечаю его. Мало ли кто ходит тут; эта квартира просто проходной двор, и я нисколько не преувеличиваю. Вот в этом не было столь сложного – игра, которую я вёл сам с собой, действительно, увлекала с головой. Иногда и Оля присоединялась ко мне в развлечениях, вода верёвкой то туда, то обратно. Её кончик взбудораживал мою кровь в жилах, и я с удовольствием гонялся за ним.

Двуногий сидел довольно долго, болтая с Галей о всякой ерунде. И затем, знаете что? Ни за что не угадаете, клянусь своими усами! Он встаёт, идёт в туалет к моей миске. Я от такой наглости поплёлся сзади. Мало ли что ему вздумается, так что быть начеку – одна из моих священных обязанностей. Он снимает свою рубашку и кладёт её прямиком в миску. Я тарашусь со стороны при виде этого неожиданного безобразия. Он любовно смотрит на миску, словно только что сбы-

лась его мечта. Что касается меня, то я воспринял это как вызов: я подошёл к бортикам (тогда они были для меня слишком высоки), принялся... О, да! Запрыгиваю внутрь, царапаю бортики и усаживаюсь, нисколько не смущаясь. Моя великолепная мордочка очень сосредоточена, будто я решаю судьбу всего человечества. Рубашка с жадностью впитывает собранное во мне добро в виде выпитой за день воды и молока. Встаю, осматриваю результат своих утомительных трудов. Огромное пятно изрядно потешило моё самолюбие. Немного снова поработать коготками по бортикам, и можно выпрыгивать. Однако мой бывший двуногий нисколько не расстроился, когда я от души «излил душу» прямо на его глазах. Он тут же ушёл, гордый своими никому не понятным поступком. Даже мне стало ясно, что более странного поведения не каждый день увидишь. Галя очень долго хохотала с этого чудного зрелища. А ещё дольше рассказывала об этом каждому второму встречному, если не первому. И Оля, не видевшая тогда сей картины, тоже разделяла с ней веселье. На ту рубашку я ходил ещё несколько раз, а потом давал понять, что её время истекло. Она и так не могла похвастаться чистотой, а уже после моих дел – тем более. Пахла и не успевала высухаться – так себе удовольствие мочиться на неё. Но вместо неё требовалось положить что-то другое. Её убрали, и миска осталась пустой ввиду того, что не нашлось замены. В расторопности моим двуногим не откажешь, что уж. Хоть я никогда не ходил на пустой лоток, но слышать гневные ре-

плики по поводу луж мимо лотка мне совершенно не желалось. И я сел так, решив, что ничего страшного не произойдёт. Да, никаких клочков газет, ни песка, ни даже тряпки. Нельзя сказать, что меня переполняло чувство дискомфорта. Разве что намочил задние лапы и кончик хвоста. После по традиции царапаю бортики и выскакиваю прочь. За мной на полу остаются заметные следы от задних лап. Когда двуногие увидели, что случилось, долго приходили в себя от изумления. Их медлительность привела к тому, что они убедились, что я не нуждаюсь в наполнителях, ни тем более в клочках газет и тряпках. И с тех пор моя миска всегда зияла пустотой, в ожидании моих «дел». Хоть и меня смущали мокрые лапы и следы после них, но было приятно думать, что двуногие восторгаются моим умом. И так же не радовались, ступая на мокрый участок ковра в комнате. Так мы и жили.

Ох, этот дразнящий запах, лишавший покоя мой бездонный животик... Сначала сырая рыба, теперь жареная. Я бегал за Галей по пятам, выражая громким мяуканьем свои требования. Конечно, она угощала меня куском за куском. Но мне всё было мало, будто желудок пробивал очередное глубокое дно. Почему-то именно рыба будит во мне обжору, хотя другое я ем гораздо в меньшем количестве, и часто не доедая. Таковым было моё гастрономическое наваждение. Я уже сбился со счёта, когда поглощал очередной кусок. Даже многочисленные кости, причинявшие мне боль при жевании

и глотании, не мешали мне безумно набивать брюхо.

Кажется, наконец-то я наелся после очередного кусочка рыбы. Сначала мне было очень хорошо; я облизывался, так, что чуть не стёр свою морду. Проходит немного времени; ничто не предвещает беды. Ваш покорный слуга лежит себе на кухонном стуле со спинкой, да горя не знает. Затем вдруг мне стало очень нехорошо: слабость, боль в желудке, тошнота... Между резким ухудшением самочувствия и рвотой прошло всего ничего. От паники я вою, уставившись на спинку стула. Впервые я понял, что моя жизнь пошла на счёт, когда я едва не захлебнулся жареными костлявыми карасями, щедро вылезавшими наружу через рот. Ну, не совсем ними, но они выходили из моего горла, как будто им что-то не понравилось в желудке. Опа, теперь спинка зелёного стула в этой противно пахнущей жиже. Двухногие кричат и ругаются. Я, обидевшись, прячусь под диваном. Не понимаю я их. Мне самому плохо, а они меня поносят на чём свет стоит. Такое чувство, что скоро меня будут ругать даже за то, что я смею открывать глаза.

Это вроде должно было меня чему научиться: ну, рыбу не есть, раз она рвётся обратно. Или хотя бы не обжираться до одурения. Ничего подобного: я ел, ем и буду есть. Она же такая вкусная!

Большая спина перед моими глазами. Затем на верхней части вижу нечто серое и волнистое, немножко напоминаю-

щее мой несравненный хвост. Мой взгляд цепляется за эту штуку, которая всё время движется в стороны.

– Ну что же ты медлишь? Поймай меня сейчас же! Ты должен! Или тебе слабо, а? – будто этот виляющий туда-сюда хвостик дразнит меня тоненьким голоском, как у мыши. Я зажмуриваюсь, чтобы лучше прицелиться в это неугомное чудовище; ишь, смотри, оно кидает мне вызов. Кому? Это мне, величайшему охотнику? Нарастающее напряжение в туловище, лапы тоже принимают боевую готовность... Война значит война.

– Ай, отпусти меня сейчас же!

Я ошарашенно отпускаю этот наглый до безобразия хвост, и едва не провожу когтями по спине. Они цепляются за ткань футболки. Упав на пятую точку, я с недоумением уставился на источник вопля. Это уже кричала старшая двуногая, хватаясь за этот самый пучок, собранный из волос. Оля сидит рядом и ржёт, что едва за живот не хватается. Ой, она же видела, как я готовился к нападению. Но не остановила. Старшая меня отчитала, расписав в красках, что это было знатно больно, а значит, впредь мне надо следить за своими шалостями. Я виновато выслушал и пошёл восвояси в свой укромный уголочек под диваном, где становилось всё меньше места. Если я сказал бы ей, что хвост действительно со мной разговаривал, то она не поверила бы. Жизнь так несправедлива, что плакать хочется... О, маленький шарик!

Оля сидит теперь постоянно дома, что не может меня не радовать. Это же вдвое больше шансов получить кусочек чего-то вкусного, а также – игры, во время которых я порядочно сбрасываю пар. Правда, она не всегда в восторге от них. Её руки постоянно превращаются из безукоризненно белых в конечности с кровавыми полосами. Если верить её словам, то я делаю ей очень больно. Но тем не менее, она постоянно давала мне свои руки на расправу моим зубам и когтям. Ничего не понимаю, но с удовольствием применяю свои орудия, дарованные самой природой.

Вдобавок я уже вполне уверенно лежу рядом с ней на кровати. Благо, и подрост прилично. Я теперь едва умещаюсь и на двух ладонях. Так что никому меня не раздавить. Кажется, и она растёт вместе со мной. Вон уже щёки лопаются.

А ещё я очень люблю залезать носом в шуршащие пакеты, которые Галя приносит по вечерам. От неё веет такой приятной прохладой, но я быстро переключаюсь на ношу. Из пакетов исходит аромат от чего-то более интересного.

– Ну дай вытащить продукты! – ворчит Оля, доставая по очереди продукты. Легко сказать! Слышать запах вкуснейшей ветчины, и уже желудок вытанцовывает чудные па. Слюна течёт, а голова нещадно тяжелеет. Как только она сама не набрасывается на так называемые деликатесы?

– Дай сейчас же на зуб! – отвечаю ей, таращась вовсю на желанный кусок в её руках.

И никогда мне не давали сразу же. Постоянно выслуши-

вал, что надо раздеться, выложить, перевести дух прочие банальности. Невдомёк им, что я АДСКИ ГОЛОДЕН. Да, я в конце концов получал что-нибудь пожевать, но какой ценой. Был бы я президентом, то издал бы указ, что котикам всегда надо сразу же давать кусок ветчины или рулета, а не тянуть резину, испытывая небезграничное терпение. Кошачья доля и так нелегка, эх. И снова мой нос случайным образом оказывается в пакете.

Омрачило меня в тот период вот что: это был обычный серый день. Но у меня они, конечно, полные приключений и веселья. Только дверь на балкон постоянно закрыта, а если её открывают – на меня дует холодный воздух. Брр. Пойду батареею обниму крепко-накрепко... Ладно, о чём это я? Ах, так вот. День был совершенно непримечательный, как я уже говорил. Я скакал себе, гоняя комок из бумаги. Путаюсь под ногами в количестве четырёх пар, тем самым сильно рисковал быть затоптанным от макушки до пят. Но мне всегда везло.

И тут как загремит! В окне засверкало, и я, себя не помня, юркнул под диван, как в тот первый день. Вы будете смеяться, но даже эти разноцветные огни в ночном небе полутора месяцем назад так меня не напугали. Того грома больше не было слышно, и я с опаской стал вылезать из укрытия. Ничего не изменилось. И судя по лицам двуногих, их тоже это задело за живое. Они, конечно, не испугались, но обсуждали в возбуждении.

– Да, впервые за свою жизнь вижу, чтобы в феврале гремел гром! – твердит Галина, глядя на остальных. Оля куда-то собиралась с недовольным лицом, словно её на каторгу отправляют. Да, завтра она уйдёт на несколько дней.

Именно тогда до меня дошло, что очень скучаю по ней. Настолько привык к её назойливому вниманию и глупой болтовне. Но к счастью, после тех дней она очень долго не отличалась так надолго, из-за чего я не редко ловил себя на мысли, что её стало слишком много в моей жизни. Вот такие противоречия меня раздирали.

В порыве вечного желания перекусить вкусеньким, я с утра до ночи бегал по квартире. Мне давали недостаточно много, чтобы я мог не думать о вкусных штукаках. Побегашь то тут, то там, поспишь пару часов, поглазеешь что да как – как тут не желать подкрепиться? Мне нужна энергия, чтобы и дальше продолжать столь неблагодарную исследовательскую работу по всему дому. Только никто не понимал меня, лишь приговаривали это своё вечное «Кыш».

И вот однажды одной скучной глубокой ночью, когда спали абсолютно все, даже Оля, я присматривался к большому белому длинному ящику на кухне, который время от времени что-то бурчал себе под нос. И днём и ночью не спал он, доблестно сохраняя в себе продукты разного рода. Разве что часть из них миновала его внутренности. Кладут двуногие туда всякое, чтобы вытащить потом. Странная логика в их

действиях, не находите? Еду надо есть, ведь так? А они её зачем-то прячут... Зачем?

И вот тут меня осенило... Они же прячут вкусненькое от меня! Посудите сами. Не раз они доставали из этого шумного ящика кусочек чего-то и давали мне. Вот же дураки, давали бы всё сразу, чтобы мне не пришлось слушать ещё бурчание своего желудка. Даже во сне я слышал залихватские песнопения внутри меня. Ну уж нет! Надо показать, что это они очень зря так поступают со мной! За окном потемнело: то потухла лампа на фонарном столбе. Свет от неё немного попадал и на кухню, освещая угол с умывальником. Но моё зрение не нуждалось в помощи, так как редкие звезды в ночном небе за неприкрытым окном ясно освещало всё самое нужное. Я же не Оля, для которой темнота – худший враг. При упоминании сей двуногой самки крота заболел мой хвост, случайно встававший жертвой при её походах вслепую по квартире. Когда-нибудь она меня точно раздавит, даже не намереваясь так поступить. Интересно, мне в таком случае присудят премию Дарвина?

Притихший ящик, гордо именуемый холодильником, снова забормотал. Что ж, сейчас или никогда. Мне не раз доводилось видеть, как его открывают. Правда, его открывали сверху, а мне придётся пытаться снизу. Ну, а вдруг? Я напряг все свои мускулы и собрал волю в кулак... Левая лапа коснулась дверцы. Уже половина дела сделана. Подгибаю лапку, чтобы удержать дверцу и тяну её в сторону. До этого я успел

представить себе, как с меня сходит седьмой пот от натуги. На деле же, дверь легко поддалась и свободно распахнулась. Не на всю ширину, но мне достаточно небольшого просвета, чай не слон из африканского континента. Поскольку стояла ночь, меня ослепил исходящий изнутри холодильника яркий свет от боковой лампы под морозильной камерой. Поморгав немного, я стал присматриваться к разномастному содержанию. Не всё привлекало своим видом и запахом, а значит вряд ли придётся мне по вкусу. Полно всякой ерунды в посуде и везде гадость, горячо любимой Олей. Нижняя полка ничем не могла порадовать, и я передними лапами встал на её немного свободный краешек, вытягиваясь во весь рост. Мой дотошный нюх улавливал запах колбасы, ветчины и ещё чего-то не менее манящего. Желудок опять капризно заурчал, и у меня появилось опасение, что он своими жалостливыми руладами поднимет на ноги весь дом. И меня накажут тем, что я спать ляпу с целым оркестром.

Ага, вижу что-то. Я присел, чтобы отдохнуть. Благо, дверца не торопилась снова слиться воедино с холодильником. Затем опять вытянулся, и стал одной лапой копать на верхней полке. Едва достигнув желаемой цели, я услышал, как Оля смеётся сзади меня. Нельзя сказать, что её появление оказалось полной неожиданностью, просто я сознательно проигнорировал топот ног, оказавшись в плену неудовлетворённых гастрономических желаний.

– Надо же, по холодильникам шастает! Ты с каких это пор

умеешь открывать дверцу? А?

Вот же не спится ей! Прямо вот неймётся ей служить помехой в моих делах. Теперь точно обломался. Но она не даёт мне ожидаемого и даже справедливого подзатыльника. Вместо этого она вытаскивает колбасу, из-за которой я едва не утонул в луже собственной слюны. Отрезает кусочек и прячет колбасу обратно. Затем отрезанное крошит и даёт мне. Как же я обрадовался её пронизательности. От переполнившихся меня эмоций я совершенно забыл поблагодарить мою хозяйку после скоропалительной расправы с угощением. Если подумать, я никогда не выражал благодарность. Так что ничего необычного. С того раза шумный ящик не раз терпел от меня налёты.

Жизнь номер два. Мне нет ещё и года, а приключений не становится меньше

Как же приятно мою великолепную шерстку греет нечто сверху. Оно ещё ярко светит, от чего мои глазки жмурятся. Вдалеке шумят такие высокие штуки. Они снизу тёмные и тонкие, а сверху – зелёные и пышные. Их называют деревьями. Ещё иногда на улице мелькают коробки, на которой мне когда-то довелось кататься. Вонючие, трясущиеся и неприятно звучат. Гадость. Имя им – автомобили или машины.

Я вижу ещё много разных штук с множеством дырок – это дома. Снизу прохаживаются незнакомые двуногие. Смотрю на них сверху и диву даюсь. Они такие разные: маленькие, большие, лысые, визгливые, надушенные. И ходят то сюда, то туда всякие.

Вот бы и лежал себе да поглядывал на всё это дело, так нет же: мой охотничий взгляд видит это... Они летают, горланят, ходят снизу целой компанией. Внутри меня что-то зашевелилось. Не знаю, как это объяснить, но оно влекло меня к ним. Что я собирался с ними делать – пока не осознавал. Но моя решимость двигала меня вперёд, усыпив бдительность. Я взобрался как можно ближе к краю балкона. Вот возле меня летит одно такое существо. Мой взгляд затуманился, и я

раскрываю свои лапы навстречу ему.

– Ой, мамочки! – кричу я, не удерживаясь на краю балкона. Моё падение было молниеносным, ведь у меня не было крыльев, как у этих беспокойных голубей. Но благо не совсем болезненным. Вокруг меня оказались какие-то зелёные штуки. Так произошло моё знакомство с травой. Те существа, что гуляли здесь парой секундами раньше, улетели прочь. Я остался один. Рядом снова проезжает противная коробка, проходит двуногий... О нет, что я здесь делаю и как мне выбраться отсюда? Я не мог ни о чём думать кроме как о своей двуногой. Я жалобно раскрываю рот, чтобы она услышала мой крик о помощи, но ничего не происходит. Зато голуби вторят мне, словно дразнили.

Покричав немного, я с ужасом осмотрел окружающую обстановку с её безграничностью. Куда бы спрятаться? Я ведь не знаю, куда идти и что делать. Но вижу что-то очень большое возле моей спины. Я крадусь под него и прячусь с надеждой, что меня теперь точно не заметят. Моё бедное сердечко бешено стучит в маленькой пушистой груди. Надо мной кричат те существа, из-за которых я оказался в таком затруднительном положении. Вот где они теперь. Ну да, у них же крылья, а не лапки. Из этой игры они вышли безоговорочными победителями.

Но мои молитвы всё же достигли адресата. Я услышал голос двуногой. Не Оли, но и старшая мне подходила. Она звала меня. И я по её голосу слышу, что она всерьёз обеспокое-

на моим внезапным исчезновением. Я встряхнул с себя обурывший меня страх, после чего подал голос как можно громче, чтобы меня точно услышали. И вот эти руки, не раз дававшие мне лёгкий шлепок по попе, вытаскивают меня из-под укрытия. Как же я радовался в этот момент! Это нельзя передать словами. Меня прижимают к груди и несут куда-то. Я, крепко вцепившись когтями в кофту, бросаю взгляд победоносца на крылатых существ наверху, провожавших нас суетливым галдежом.

Оля встретила меня со вздохом облегчения и нескрываемой радостью. Стало очевидно, что она за меня переживала. Оказавшись в её объятиях, мне стало так спокойно.

– Эй, хозяйка! Эти крылатые виноваты! – говорю я ей на всякий случай, если она подумает, что я сам решил прогуляться. Ну уж нет, внизу было страшно и больше меня туда не тянет.

С этого дня я больше никогда не падал с балкона. Но зато стал несколько равнодушным к голубям (как я позднее узнал их название), оберегаясь за свою полосатую шкуру. Один раз повезло – не значит, что повезёт ещё раз. Надо отметить, что они всячески старались привлечь моё внимание, пролетая рядом. Но я только одаривал их высокомерным взглядом, чтобы знали своё место.

Ох, и лето пришло! Второе за мою недолгую жизнь. Рядом со мной бегают Люська, красивая трёхцветная девочка.

Я дружу с ней целых два месяца с момента её появления в квартире. Помню, как она появилась и тут же спряталась за ворчливый холодильник. И оттуда же орала всю ночь при виде меня, как не в себе. Мне забавно думать об этом, ведь я в своё время вёл себя как паинька. Или зайнька. Хотя тоже умирал со страху.

Ещё Люська очень странная. Если я исправно хожу в туалет (периодические маленькие шалости, не считаются, ведь так?), то она справляет любую нужду под одним из двух диванов. У него есть дно, и она оставляет там всякого рода дела. Галя постоянно за ней убирает и ворчит, за что ей такое наказание. Её попытки оказываются наполовину успешными: запах всё равно стоит, тем более, при жаре он заметно усиливается. Не знаю, но Люська в остальном прекрасная. Засыпаем с ней в обнимку, точнее, она постоянно ко мне липнет, а я, как истый мужчина по всем гендерным стереотипам, позволяю себя любить. Шутка, конечно. Мне не трудно проявлять взаимность, потому что было похоже, что никто из двуногих к ней не расположен. Это, конечно, не могло продолжаться долго. Они постоянно твердили между собой, что с кошкой надо что-то решать. Для меня их разговоры – не более, чем пустой звук.

Вот поэтому вы должны понять всю гамму эмоций, когда прошло всего три месяца, а я снова остался в полном одиночестве. Люську двуногие забрали и ушли с ней куда-то. Я думал, что они с ней же и вернутся. Так что поэтому я спокойно

бродил по квартире и всюду улавливал запах от неё, не прикладывая к этому усилий. Затем недолго поспал, посидел на балконе со скучающим видом. В общем, я не мог найти себе места. Постоянно мне казалось, что чего-то не хватает. Немудрено после того, как привык находиться в компании себе подобного. Двуногие двуногими, но ведь приятно общаться именно со своими сородичами.

Наконец-то заскрипела входная дверь, и я покидаю свой спальный пост (хотя не успел и пяти минут поспать после унылой прогулки на балконе), и подбегаю. Двуногие с виноватым видом входили в квартиру, игнорируя моё ненавязчивое приветствие, отдававшееся эхом по коридору.

– Где Люська? – я бросаюсь им под ноги, заглядывая в глаза. Руки у обеих пусты. О, нет! Неужели её кому-то отдали? В этот момент горького осознания в моей душе образовалась огромная пустота; из тех, что нельзя заполнить даже на треть. Я развернулся и отошёл на балкон. Весь мой вид выражал горечь и досаду. Я выскочил на стул и с тяжестью на сердце стал прокручивать в голове все моменты, проведённые с ней. Как она пряталась от меня за холодильником, вопя всю ночь и не давая Оле спать. Как гонялась за мной в поиске защиты. Как уплетала наравне со мной колбасу. Сплошные «Как она...». Любящие глаза стояли уже в моем воображении так ясно, что мне хотелось реветь. Я долго не мог простить двуногим, что сначала Люську принесли, к которой я притёрся, а потом унесли, наплевав на нашу дружбу.

Хозяйка – странное создание. Нет, я понимаю, что я много раз об этом говорил. Но! Она постоянно где-то пропадает. Да и старшей почему-то нет. Я сижу один дома, и это не так уж и весело. Была бы Люська рядом, но кто меня спрашивает? От тоски даже развлекаться не хотелось. Попрыгал по столам, побегал за воображаемой добычей, ободрал обивку дивана... А дальше что? Спать разве что, чтобы потом проснуться и снова печально думать, что одиночество не такая уж и весёлая штука. И так не первый день.

Кто-то открывает входную дверь, и я спешу навстречу. А, это сестра Оли пришла домой. Я без особого интереса кидаю на неё свой изучающий взгляд, выражая полное разочарование. Она никогда со мной так не разговаривает, как Оля. Редко угощает. И никогда не гладит по моей великолепной шёрстке. Но постоянно гоняет, может даже ногу применить. Поэтому стоит ли удивляться моему прохладному отношению к данной особе?

За окном темнеет, и я мыкаюсь из комнаты в комнату. Мне даже спать надоело. Вот бы Галю хотя бы дома.

Просидев достаточно времени в комнате, я со скучающим видом иду на кухню. Да, хозяйка по-прежнему не пришла домой. Но и смотреть на её сестру не сильно интересно. Стенка в туалете и то занимательнее.

Ещё на пороге кузни мой чуткий нос уловил какой-то приятно манящий запах. Он мне не был знаком, хотя я много че-

го перепробовал за годик с лишней собственной жизни. Оно лежало на виду, и я всё сильнее терял покой. В желудке заурчало. Нет, не так. Заиграл целый оркестр. При приближении к источнику запаха моя голова начинает кружиться. Боже, да это что? Я запрыгиваю вверх и вижу непонятные шутки. Они напоминают палочки, только наполовину белые и наполовину цветные, простите не знаю название цвета. Мой нос приблизился вплотную к ним... Не знаю, как это случилось, но я очнулся уже с половиной оставшейся палочки. Что-то мне мешало полностью её схоямчить. Но вкус действительно необычный и потрясающий! Я бросил первую палочку и принялся за вторую. За ней последовала третья. Она же последняя в списке моих гастрономических жертв. Больше я не хотел есть. Из-за какой-то помехи я не мог толком насладиться этими палочками, и с видом Александра Македонского покинул место преступления.

О, как раз заскрипела входная дверь. Я выхожу в тёмный коридор, но не двигаюсь дальше порога кухни. На этот раз это была хозяйка. Я взглянул на неё с видом обиженного, приговаривая: «Где тебя носило?» и был таков, скрывшись в комнате.

Спустя нескольких минут из кухни доносится вопль удивления. Сестра двуногой забегает туда, но я решаю, что не последую за ней. И так понятно, что отругают. Я дурак что ли рисковать целостью и сохранностью своей попы? Но нет: из уже донёсся смех.

– Надо же, я положила это тебе, а кот подъял. Не знала, что он и такое любит.

– Я тоже не знала. Ну ладно, оставлю ему недоеденное.

И таки да, те остатки я позже уничтожил. На этот раз мне ничто не мешало их слопать: Оля сняла с них досадную прозрачную шелестящую помеху. А я-то думал, что получу смачный нагоняй. Таки жизнь прекрасна!

Жизнь номер три. Два года, или как я оказался на волосок от собачьей пасти

Жил-был в нашем доме один кот. Сказать, что он мало кому был по душе, всё равно, что слукавить, не моргнув глазом. Нет, он не был уродом. Обычный пухлый кот. Шуба белая с большими чёрными пятнами. Глаза – зелёные и наглые. Морда прямо-таки трещала от раздутого до небес самомнения. Нет, дело не во внешности, и даже не в выражении морды. Коты и не должны быть забитыми рохлями.

Самый главный его недостаток заключался в том, что он проявлял поистине непростительное неуважение к вещам, оставленных даже на секунду без присмотра. Я не раз и не два видел на балконе, как он денно и ночью метит деревья. Да если бы он ограничивался ими, так нет же! Он кидал на меня победоносный взгляд. Хотя я толком не мог понять, что он хотел этим сказать. Мне вообще было абсолютно на него по барабану, и поэтому пожимал плечами (воображаемыми, конечно), а он всё не мог до этого додуматься. Раз за разом он продолжал свой никому не нужный спектакль. Так бы всё оставалось на уровне «шапочного» общения, от которых мне не было ни холодно ни жарко. Видимо, он так не и смог смириться. Ему требовалось нечто большее.

Ну, в общем, это был зимний ясный день, что объясняло то, что я успел забыть про того хулигана. Слишком большая честь думать о самодурах. Из коридора раздалась дурацкая трель. Галя пошла узнать, кого там принесло. Но никто не вошёл внутрь; зато случилась внезапная беседа на пороге. Пока длился глупый долгий разговор, в квартире нарисовался непрощенный гость. Я его не сразу заметил, потому что лежал на диване, так как решил, мало ли кого принесло, чего бежать, сломя голову. И мой покой всё же был нарушен наглым образом: в комнату бегом забежал этот прощелыга. И путь его следовал зачем-то за диван, на котором возлежал я. Я поднимаюсь в возмущении от столь неслыханной наглости! И это хозяйка пускает первого встречного в дом! В дом, в котором я живу! Естественно, продолжить лежать я никак не мог, делая вид, что ничего не произошло! В моей груди росла непоколебимая решительность прогнать нахала прочь из моих хором! Я же к нему не хожу, так что проучить ой как следует!

Я в мгновение ока оказываюсь за спинкой дивана, где эта сволочь задрал свой дурацкий хост и помечал мою территорию. Как «неожиданно»! В моих глазах непривычно потемнело, а пульс всюду стучал в висках. Я бросаюсь на него, собрав в себе силы, рождённые праведным гневом. Никто не смеет приходить сюда без приглашения и оставлять свои дурацкие метки. Он будто был готов к такому повороту событий и тоже бросился навстречу мне. Наши конечности скре-

пились, рты выдали первобытный рёв, достойного льва, острые когти – наголо, зубы – выставлены во всей красе. Я его бью, он – меня. Во время нашей драки раздаётся голос Оли, которая с удивлением слушала наши вопли. Она подбежала к боковушке дивана, но мы уже не оставались на прежнем месте. Мой противник прекратил меня лупить и дал делу на выход, который по-прежнему не был закрыт. Я гонюсь за ним, провожая его всеми проклятиями, которые знал. И тоже побежал бы в подъезд, но как раз в этот момент перед моим носом захлопывается дверь. Галя спрашивает, чего я взбеленился. Пара секунд, и пришло спокойствие. Но я и так считал себя королём мира. Мой противник, нагло претендовавший на мой дом, позорно бежал. Чем не победа для меня? Вон даже усы торчали ещё ровнее и задорнее прежнего, настолько гордость распирала мою героическую грудь. С того времени я часто слышал про себя: «Грудь моряка, а голова дурака». Что бы это значило?

Оля рассказывает Гале, что Филя (так его звали) заскочил к нам и учинил переполох. Галя, в свою очередь, возмутилась его вторжением, и я её прекрасно понимал. Исходя из того, что я узнал после: Филя имел ужасную привычку метить не только стены и деревья, но также и сумки, ведра... Да в общем всё, что имело неосторожность стоять недвижимо на его пути. От того я ощущал себя донельзя воспитанным котом. Чем не повод вырасти в собственных глазах?

Хозяйка решила, что меня пора приучать к улице. Вон даже шлейку купила. Только цвет у неё дурацкий – розовый! Да ещё и яркий, что в глазах рябит. Я ей девочка, что ли? Но если подумать, то какая разница? Даже такой цвет мне идёт, потому что он подчёркивает цвет моих прекрасных зелёных глаз. Долой гендерные стереотипы!

Она сажает меня на участок с самой сочной травой во дворе. Я не дурак, тут же приступаю к дегустации. Какое блаженство, когда в рот попадают зелёные травинки. Я, конечно, без ума от рыбы и всего такого, но трава – это что-то из другой оперы.

Было бы прекрасно, если меня не придерживали за поводок. С ним особо не разгонишься. Ладно, мне и здесь неплохо. И коты рядом гуляют, только какие-то они больно недостаточно хороши на мой скромный вкус. Поэтому я смотрю на них от силы пару секунд и затем продолжаю надкусывать траву. Боже, этот запах...

Тут я замечаю, что конец поводка не движется, да и голос Оли не так визглив. Поворачиваю голову, неохотно отрываясь от травы. Так и есть: хозяйка конец поводка прицепила на обрубок железного столба и пошла недалеко на лавочку играть в карты с девочкой, живущей по соседству. Та девочка десятью минутами ранее едва не испугалась меня, когда я с опаской выползал из подъезда. Будто мне не страшно, ага. – Боже, мне показалось, что оттуда выползает змея!

Оля смеётся, а я тем временем набираю потихоньку сме-

лости и волочусь по дырявому асфальту возле подъезда. Рядом шагают голуби, смешно семеня куда-то своей дорогой. И вот Оля берет меня на руки и несёт к траве, на которую укладывает меня. И вот они сидят на скамейке, увлекаясь своими делами.

– Хм, а не побродить ли мне? – решил я, когда понял, что сыт по горло травой.

Если вы ещё не поняли, то я всегда умел выпутываться из безвыходных ситуаций. Если таковой можно считать плен под поводком. Я пораскинул мозгами и давай выпутываться из шлейки. Не знаю, как это у меня получилось, но свобода уже была в моих руках. Ух, теперь совсем другое дело! Коты, чьи морды выражали весь богатый жизненный опыт, продолжают за мной наблюдать. Меня же они совершенно не привлекают. Нет в них чистоплотности и класса, скажем так.

Зато моё внимание привлекло дерево, стоящее у синего наполовину развалившегося забора. До него идти всего ничего, так как оно стояло на том же участке, где был я. Хм, интересно, что находится по ту сторону? Я снова бросаю взгляд назад, где сидит хозяйка на лавке. Она не подозревает ничего дурного, ковыряясь в колоде. Глупенькая, что с неё взять. И пользуясь представившимся моментом, я направляюсь к стволу, склонённому над землёй. Ого, мои коготки блаженствуют: никакие диваны и ковры рядом не стояли! Я всюю ими работаю. Ещё чуть-чуть, и я на высоте во всех смыслах этого слова.

Моё внимание привлекло не пойми что, но я тут же оказался внизу другого двора.

И как же я пожалел в ту минуту, что оказался здесь! Передо мной стояла огромная свирепая собака на привязи к будке, которую я почему-то не заметил прежде! Хоть она не могла до меня добраться, хотя она уж очень хотела: тёмные масляные глаза жадно блестят, из раскрытой пасти, усеянной страшными острыми зубами, капает слюна. Она смотрит на меня в упор и рычит. Я настолько ошалел, что совершенно потерял голову. Что делать? Нет, такой вопрос не стоял. Мной обуяла паника, парализующая все мои конечности. И мозг. Впервые вижу пса настолько близко. В этих глазах разгорается огонь желания разорвать меня на миллион мелких кусочков. Зубы по-прежнему выглядывают из пасти жёлтым забором, едва не ослепляя меня.

Я было смирился с тем, что жить осталось совсем ничего, как тут же издалека слышу встревоженные голоса своих любимых хозяек. Но потом оказывается, они были не одни. Слышался ещё голос той девочки, с которой Оля играла в карты. Раздаётся стук по забору. Из дома выходит незнакомая мне женщина и направляется к воротам. Сквозь приоткрытую калитку вижу лицо Гали, и она что-то говорит той женщине обо мне. Но я по-прежнему не могу сдвинуться с места, чтобы подбежать навстречу им. Даже кричать не могу, чтобы показать, что вот я здесь. Вид пса попросту не прибавлял ни толики смелости. Я не верил, что цепь сможет удерж-

жать это чудовище.

Мои муки закончились тут же, как только та женщина отошла от ворот. Правда в тот момент я опять начал паниковать, ещё не понимая, что она собралась найти меня и вручить в хозяйские руки. У меня возникло опасение, что сидеть мне здесь вечно, но она шла напрямиком на меня. Даже не знаю, что хуже: она или эта огромная псина? Кто знает, что у неё на уме, у владелицы кровожадного страшилища? От страха мои глаза зажмуриваются, и я даже не сопротивляюсь, когда она берёт меня на руки. Ну, всё. Сейчас бросит меня на съедение своей собаке. В её руках я начинаю словно обретать дар речи: из моего горла вырвались рулады. Вопреки моим скверным домыслам, она понесла меня к калитке. Распахнув её, она с нетерпением сообщает:

– Вот, похоже, что ваш. – И протягивает меня Оле. Та с радостью выхватывает меня, чему я безумно рад при всей моей нелюбви к объятиям. Они у неё всегда чересчур крепкие и долгие. Но в этот момент мой внутренний независимый мужчина сделал десяток сальто при соприкосновении такой родной двуногой.

– Вот чего тебя понесло туда, а? – вопрошает она, прервав моё сиюминутное наслаждение. Я, естественно, распахиваю глаза, но ничего не говорю. Будто она поймёт. Не смещите мой хвост!

Выгуливать после такого инцидента меня не перестали, просто всё сводилось к настроению, которое возникало не

так часто, чтобы избаловать меня свежим воздухом. Меня если и выводили пожевать траву, то с глаз не спускали. Можно подумать, что такой умный кот, как я, наступит на те же грабли дважды? Но ничего не говорил, зарываясь носом в ароматную зелень. Жаль, что очень редко это случалось. Происходили погодные перемены, которые мне так не нравились. Становилось холодно, серо, падали листья, увядала трава, и наконец-то вслед за этим – зима. Меня пытались выводить в бесснежное время, но глядя на моё недовольное выражение морды и трясущееся тело, нашли эту затею безнадёжной. Ура. Только сумасшедший станет рваться на мороз и снег повсюду.

Жизнь номер четыре. Три года, когда случился первый кризис

В три года я вступил с палёными усами. Каждый раз, когда меня видели, спрашивали, почему они короткие и завитые? Что? Теперь и вам интересно?

Хорошо, рассказываю. Было это чуть раньше. Кажется тогда на улице не было жарко, как в день моего рождения. Я, как истый охотник и всё такое, скучаю дома. Нельзя же постоянно спать и есть. Совершенно неинтересные занятия, когда ты сыт ими по горло. Стоял вечер, а из открытого балкона дул приятный прохладный ветер. Оля опять сидит возле своей коробки. Смотрит на эти движущие картинки, нередко с ужасным звуком. Ладно, развлеку себя сам. Но сначала надо подкрепиться, а то я чувствую себя несколько изголодавшимся. Мой путь пролегает прямым на кухню. Ничего в радиусе моего зрения и нюха не попадается. Я открыл бы холодильник, как раньше, но сколько раз убеждался, что там ничего не лежит в готовом виде. А мне слишком лень и хлопотно залезать, доставать, а если ещё и выуживать из каких-то шелестящих пакетов. Нет, оно того не стоит, и по попе получу за попытку, окончившуюся провалом. Я запрыгиваю на столешницу, которая совмещала в себе и умывальник. Рядом с ней стояла плита. Хозяйка зачем-то включила

её. Вид включённой комфорки не пробудил во мне всемогущий инстинкт самосохранения. Наоборот, что-то меня влезло. Кажется, пахнет чем-то вкусным. Я приблизился, вытянув голову вперёд. Тут же запахло палёным. Я, недолго думая, отпрянул и соскочил на пол. Мои шикарные усищи, выращенные на отборной колбасе со сардиной в масле, укоротились и жалко скрутились кольцами на концах. От прежней длины осталась половина. Вы только вздумайте: половина! Потеря великолепных усов выбила меня из колеи, и я ушёл из кухни, забыв зачем вообще сюда направился. Мои лапы несут меня на балкон. Ох, свежий воздух должен мне помочь во восстановлении бывшего духа. Оля по-прежнему ничего не замечает. И ладно. Стыдно мне, котяре, попадаться на глаза кому-либо с новой приобретённой по глупости «красотой». В носу стоит неприятный назойливый запах гари. Черт бы меня побрал! Видела бы меня мамочка. Да она бы постыдилась, что её сыночек вырос в глупого увальня, который едва не сжёг себя самого.

Кстати, в тот вечер Оля так и не заметила перемены в моём облике. Прошло несколько дней, прежде чем она наконец-то присмотрелась внимательно к усам.

– Ты что усы спалил? Поди опять лазил где, не следует?

Вот такая поддержка, от которой я едва не выл волком. Моя гордость долго отрастала, но верно.

И длилось лето со своими длинными днями и короткими

ночами. Пришла сестра двуногой с каким-то пакетом. Но я был довольно натаскан, чтобы знать, что у неё не может быть для меня вкусенького. Так что я не залезал туда носом с целью повынюхивать. Лучше дождусь Гали; уж она часто приносит эдакое. И уж точно она не станет меня гонять, как муху.

Она вывалила на столешницу из этого пакета то, что мне было незнакомо. Их много, и все шевелятся. Одного из них она положила напротив меня на пол.

– Ох и чудные существа. – Думал я, глядя на нечто с клешнями и множеством лап или как их там. Оно шло навстречу мне, щёлкая клешнями, а я смотрю и увливаю в сторону. Сбежать бы из кухни, но я продолжаю зачем-то пялиться на это, не двигаясь особо с места. Сестра Оли хватает его сзади и оттягивает назад. Но это неведомое существо продолжает ко мне топать. Я начинаю готовиться к бою. Меня так просто не возьмёшь, нетушки!

Сама же Оля достаёт свою красную штуку и смеётся, наводя её на меня и существо. Смешно ей! Когда это снова приблизилось ко мне, я выставил вперёд лапу. Что мной двигало? Наверное, рассчитывал, что таким образом напугаю и отгоню его прочь от себя. И действительно, он застыл, раскрывая жуткие клешни. Наверное, он так предавался тяжким размышлениям. Сестра Оли тоже взяла какую-то штуку, которую затем навела на нас двоих. Да черт с ними вообще? Нет, чтобы избавить меня от «приятного общения»

с чудовищем, они забавляются. Помахав своими штуками, они быстро прекратили. Сестра убрала создание с клешнями и бросила его в кастрюлю, а Оля просто вышла в комнату. Вот так: пять секунд назад ты едва живой от испуга, а теперь слово ничего не было. Будто это дурной сон или игры моего бурного воображения.

Если вы думаете, что больше никто этими штуками перед моей мордой не махали, то спешу уверить в обратном. Оле ничего не стоило включить громко орущую штуку, чтобы следить за моей реакцией. Вот так лежишь себе на подоконнике, упираясь в рамы, дышишь вечерним воздухом, слушаешь птичек. Иногда поглядываю в сторону домашних, вечно орущих. И тут какая-то дрянь на непонятном языке оглушает вашего верного слугу. То играла песня на радио. И перед моей мордой эта красная дрянь. Я зеваю при виде неё и откидываю голову назад, рискуя выпасть вниз прямиком в палисадник, как когда-то с балкона. Как же я недоумеваю. Что это вообще? Попытка подразнить меня? Не знаю, но вы-то уясните, нам, котам такое не под силу понять. Хуже всего, когда тебя ослепляют дурацкой вспышкой, но до того оставалось ещё два года.

Благодаря моим проделкам под названием «Туалет в неожиданном месте» один из диванов отправляется на мусорку. Его разбирали долго и нудно, а я тем временем наблюдал издалека и думал о своём. Не помню точно, о чём имен-

но, но диван было очень жалко. Его заменили раскладным креслом, но оно оказалось слишком дурацким на мой вкус. Узкое, чересчур длинное и вообще жестковатое. Да, знал бы я на чём мне придётся видеть сны... Да кого я обманываю! Я подозреваю, что со мной не всё в порядке. Но об этом позже.

Четвёртый год наблюдаю за одним интересным соседом. Он такой же серый, как и я, ваш верный слуга, но менее привлекательный. Я его вижу почти каждый день, если задираю голову наверх. Там на балконе тоже на меня глядела морда. На ней было написано желание кинуть мне вызов. Меня это хорошенько раззадоривало, ведь никто не смеет так смотреть в мою сторону! Что он себе позволяет?! Я с улыбкой вспоминаю, как победил одного. Уж я закалён на боях!

А ещё как-то его хозяйка пришла вместе с ним к нам. Не угадаете зачем! Чтобы попросить займы шлейку! Мои двуногие не стали возражать, хотя они разве меня не должны были спросить? Ведь это моя вещь или как? Ну, короче. Моя розовая шлейка на него не налезала, как его хозяйка не пыталась при помощи Оли. Он смотрел на всех исподлобья, особенно на меня. Он наверняка чувствовал моё неоспоримое превосходство. Я на радостях, поняв, что моя шлейка ему не пригодится, с королевским достоинством развернулся прочь из коридора. И не таких видали.

И вот стояла опять дурацкая жара. Галя плохо переносила её и всячески старалась помочь себе. И вот одним из её

методов борьбы с духотой было то, что она открывала входную дверь. Не полностью, конечно же, но осталась приличная такая щёлочка, сквозь которую дул небольшой сквозной ветерок. Я не был бы собой, если бы не решил исследовать мир за пределами квартиры. Оля не любила выгуливать меня, считая, что стоять и наблюдать за моим жеванием травы – нет скучнее занятия. А мне может и дома не совсем весело. Как бы там не было, но я не стал подавлять в себе порывы. Не делал этого раньше и не стану делать этого сейчас, так и впредь не буду.

Как и следовало предполагать: снаружи квартиры ничего не было столь интересного для моего ума. Одни двери, старая плитка на полу, лестницы... Хм, и это всё? Хотел было развернуться обратно, но мой нюх почуял дух соседский. Я тут же его узнал! Мои лапы уже несли меня по ступенькам вверх, пока никто не схватился. И вот, вижу его через открытую дверь. Его двуногий раб куда-то отошёл, и я уже всю смело направляюсь внутрь. Кот сидел возле комнаты, будто поджидал меня на огонёк, распалённый объявленной им враждой. Я принял его: я смело вступил на порог квартиры и стремительно побежал внутрь. Визг, удар лапой по морде, летающие комки шерсти. Этот парень хоть и казался мне слабаком, но мастерски лупил меня. Его двуногий раб увидел эту потасовку, и стал разминать, рискуя своими руками. Моё сердце едва не выскакивало из груди; причина тому не страх, а желание показать, кто здесь самый крутой. Мой

противник шипел и визжал в мой адрес, и я отвечал ему тем же, пятясь куда-то. Его двуногий оценив сложившуюся ситуацию, отпустил его. Тот мигом бросился ко мне, но я уже заскочил за кусок стекла, который стоял на балконе. Он словно успокоился, но моё шестое чувство подсказывало, что он по-прежнему готов меня снова поколотить. Я переводил дыхание. То, что я засел во внезапном укрытии, не делает из меня жалкого труса. Просто мне следовало немного отдохнуть и пораскинуть мозгами, чтобы броситься на беспощадную борьбу авторитетов с чёткой стратегией. Очередного проигрыша я не мог себе позволить. Не в мою пользу играл тот факт, что я раньше не был на этой территории. Но дальше ничего не произошло. Перед моими глазами появилась моя рабыня, чьё лицо исказилось от недоумения. Я, кстати, вынужден признаться, что пока сидел за стеклом, дрожал аки тварь. И вот в таком неприглядном виде побеждённого она застала меня. Мой противник где-то скрылся. Эти родные руки, которые давали мне пищу (хоть и не всегда вкусную), бережно вытащили меня на свет.

– Ну, вот чего ты сюда пришел? – спрашивает она меня ласковым голосом, замечая, как меня трясёт. Я таращу глаза во все стороны, чтобы быть готовым к нападению. Она несёт меня на выход. По пути ничего не случилось, и я благополучно оказался в своих безопасных пенатах. Присев на знакомом полу, я с горечью думал о своём унижении. Противник вырвал у меня победу, и немало ему в этом помогли двуно-

гие. Вот бы ещё чуть-чуть, и я бы отвоевал реванш. Моё настроение оказалось ниже плинтуса, возле которого я и развалился. Входная дверь теперь закрыта. Но я и так не вышел бы в подъезд во второй раз. Настолько я был подавлен своим ничтожным положением. После давней победы над Филей горечь от проигрыша ощущалась особенно ясно и долго.

И снова гадкая зима. Я стоял на балконе на куче холодного мокрого снега, вдобавок обдуваемый морозным ветром. Дрожь овладела мной полностью; даже кончики коротковатых усов вздрагивали. Никаких тебе листочков, приятного солнечного прикосновения, запаха зелени, птичьего пения... Только серое небо, чёрные голые тополя, противные чёрные птицы, жуткие сосульки на бельевых верёвках. Скука невозможная! Нет, на это я не подписывался! Моржей в моём роду ещё не водилось, чтобы находить удовольствие от такой поганой погоды, как эта. Я сорвался обратно в тёплую квартиру, где меня могло спасти замечательное изобретение двуногих за всё время своего существования – батарея под окном на кухне. Так вылезешь на неё, несмотря на её довольно ребристые выступы, которые причиняли неудобства, обнимаешь двумя передними лапами и лежишь. Остаётся только наслаждаться теплом, от которого то и дело глаза закрываются. Что бы я делал, не будь батареи?

Я рассказываю о той кратковременной прогулке на балконе, так как всего через три дня у меня случилось неприятное

событие. Это ещё мягко сказано. Мне тогда казалось, что я готовый покойник. Вот история...

Утро началось как обычно. Я поел, хотя аппетита особого не было, выпил немного воды, поглядел на двуногих, которые, как всегда, олицетворяли собой вершину глупости, безумия и хаоса. И затем ощутил позыв от дарованного природой механизма. Ничто не могло не могло предвещать беды, внезапно посетивший мой дом. Точнее, позарившейся на моё здоровье. Я сел на миску и...

– О нет, что происходит? – жалобно кричу я, сидя на миске. Ещё вчера я мог ходить в туалет, хоть и с кровью. Но сегодня ничего не выходит! Совсем. Очень тяжело. Я прижал уши к голове и тарасил глаза так, что ещё чуть-чуть и они вылезают раньше и легче, чем жидкость из моего организма.

Это попытка номер один. Покинув место боя, с треском проваленного мной, я направляюсь обратно на кухню. Падаю на жёсткий стул, чтобы немного отдохнуть и набраться сил. На меня снисходит дрема. Сон оказался очень коротким и тревожным. Невозможно видеть десятый сон, когда внутри сильно распирает. Открываю глаза и несколько минут смотрю в никуда. Слезая со стула и иду к своим мискам, где лежали недоеденные мной блюда. Я не могу есть, потому что от их запаха меня моментально начинает тошнить. Я не могу пить, потому что добавлять в себя воду, которая пока не спешила покидать мой организм... Ну уж нет! Снова иду на

лоток, и опять ничего. Вот бы сейчас Оля была дома... Может, она сумеет мне помочь.

Галя занимается своими делами, и не замечает моего непонятного состояния. Но во мне и так не было надежды на неё. Более того – лишнее внимание мне только в тягость. Прошло всего ничего, и я не могу найти себе места; даже спать не получается. Проще сказать, что вообще могу – это мыкаться по квартире из комнаты в туалет и обратно. Всё болит и давит. Я хожу и не понимаю, что, чёрт побери, происходит! Меня стошнило на полу в туалете. Галя ругается, но будто это что-то поменяет. Алло, я это... Мне, как коту, сложно признаваться в этом, так как считается, что нельзя даже думать о себе, что ты болен. Ну вот! Я таки произнёс это чудовищное по своей природе слово.

Пришла Оля, когда прошла первая половина дня. Первым делом она бросается есть, так что она пока не заметила разительных перемен во мне. Сил моих нет. Пытался два раза сомкнуть глаз, чтобы забыться ненадолго, но всё оставалось таким же прежним. И даже выбор места ничего не менял: даже самый мягкий диван служил мне роль ложе с тупыми многочисленными шипами. Я снова сижу на миске и ничего не получается. Там всё болит. Я, будучи испуганным, кричу, будто пытаюсь этим себе помочь. Тщетно. И тут в голову, окутанную словно знаменитым смогом в Лондоне, приходит одна идея. Это было как внезапная вспышка от яркой лампочки в тёмном дочерна помещении. Удивительно, что в неё

что-то ещё может прийти, кроме переполняющейся жидкости. Я с трудом прыгаю на ободок унитаза (если люди на него ходят, то значит не зря же?) и устраиваюсь как можно удобнее на нём. Хвост скользит вовнутрь, но меня то мало беспокоит. Сажу секунду, две, десять. Затем пошёл счёт на минуты. Оля проходит мимо и замечает меня в таком положении и зовёт всех остальных. Дома кроме неё и Гали была ещё сестра.

– Смотрите, Шева сидит на унитазе!

Нельзя сказать, что было проявлено жгучее желание поглазеть на меня, и поэтому, когда одна Галя соизволила подойти, я уже соскакивал вниз к своей родимой миске. Я понял, что в попытке помочиться на унитазе нет смысла. Мне очень плохо. В горле пересыхает, но я криком даю знать, что случилось совершенное невыносимое. Оля смотрит, как я пытаюсь сходить, и спрашивает о моих делах. Услышанное её огорчило, стерев с лица последние отпечатки веселья, спровоцированного моим просиживанием на унитазе.

Я прохожу мимо неё и прыгаю на диван. Сворачиваюсь клубочком. Внутри меня всё больше давит. Но я попробую уснуть. А вдруг по пробуждении мне полегчает? Оля с беспокойством смотрит на меня. Она пальцем касается моего носа.

– Да он у него сухой и горячий! – едва не со слезами говорит она Гале, которая тоже начинает переживать. Эх, отошли бы вы и помолчали, чтобы я мог немного поспать... Но,

к сожалению, нас, котов, никто не понимает, даже если мы чётко выражаем свои мысли и желания. Говоришь двуногим: «Дай перекусить, а то кусочек курицы в моей миске подозрительно пахнет», а они вместо этого тискают со всей дурыю. Но в этот раз меня оставили в покое, уйдя на кухню. Вот и славно; раз в год и палка стреляет.

Нет, и на этот раз сон оказался довольно беспокойным. Я открываю глаза, но, образно говоря, ничего не вижу. В голову давило, внизу болело и горело. Я судорожно глотаю раз за разом. По правую сторону от меня сидит хозяйка и не сдерживает своих слез. Но мне не до её чувств. Хотелось кричать: «Спасите меня, пожалуйста!». И я кричал, добираясь до сухого лотка. Снова пшик. День сурка, ей-богу. Мои страдания казались уже вечными, будто они появились раньше меня.

Проходит несколько часов, наполненных страхом, болью, невиданных мучений, хозяйских причитаний и бесполезных попыток, переваливших за целый десяток. За окном уже темнеет. Хоть где-то что-то меняется, не что у меня. Теперь и спать не представлялось возможным. До этого хоть вздремнуть можно было, теперь всё. Бодрствуй и страдай. Двуногие о чём-то бурно разговаривали, поглядывая на меня. Оля продолжала омыwać свои хомячьи бледные щёки солёными слезами, щедро лившихся из её близоруких глаз. Наконец-то они замолкают. Меня бережно укладывают в картонную коробку, стараясь не касаться моего надутого живота, и накрывают плотной тёплой тряпкой. Я не против, ведь питаю сла-

бость к коробкам. Хлебом не корми, но поставь передо мной ящик или положи пакет, и я буду счастлив их оккупировать. Но спокойно полежать мне не дали. Меня в той же коробке вынесли из дома. Ой, нет же у меня сил гулять, ну что за такие глупые существа? Но нет, меня никто не высаживает на траву, как я думал. Мои тихие возмущения остаются неслышанными. Меня несут всё дальше и дальше от дома. Мимо проносится на всех парах трамвай. Проезжают машины, и иногда проходят люди. Сверху светят фонари, небо полностью покрытое чёрными тучами. Затем я перевожу взгляд и недоуменно смотрю на хозяйку. Затем кричу ей, чтобы она прекратила меня нести, но она не обращает на это должного внимания. Вдобавок на улице очень холодно. Мало мне того, что я едва дышу, так ещё и дрожать должен.

– Шева, мы идём тебя спасать. Ты очень больной. – Созволила наконец-то сказать хозяйка, продолжая с болью и нежностью смотреть на мою мордочку. Ладно. Не знаю, как это будет выглядеть, но я сам и загораюсь желанием поскорее приблизить тот момент, когда это состояние прекратится. Усталость всё больше накрывала меня, и мои веки опустились. Уши улавливали суетливый шум улиц, а нос жадно вздыхал прохладный воздух.

Путь оказался не таким уж долгим, как я мог предположить. Я не успел вздремнуть, как мы наконец пришли. Какое-то неизвестное место, каким был домик, выкрашенный в жёлтый цвет. Вход – с улицы, куда и выходило и единствен-

ное окно. Моё сердце чувствует неладное ещё на пороге, который вёл в длинный коридор с небольшим рядом одинаковых чёрных стульев. Вот, вижу как один двуногий несёт собаку в переноске, на морде которой написано, что и ей пришлось несладко. Другой сидел на одном из стульев, но уже с котом. Но никто меня не волновал. Меня переполняли не самые положительные эмоции. Ой, как же мне невыносимо! Всё внутри распирает, даже в голове! Дышать очень трудно... В коридоре появляется мужчина в халате и вызывает. Теперь мы сидим одни: я на руках Оли, Галя и Костя рядом. Это старший брат Оли; именно его друг был моим прежним хозяином.

Казалось, сон снова стал мне подвластен, и я уже раскатал губу, как подошла моя очередь. Коробка, стоявшая на полу, снова в руках Оли. Моим глазам предстаёт небольшое помещение с запахом, способного напугать любого пациента. Несколько шкафчиков, стеллажи, умывальник и стол посередине. Металлический и блестящий, отражает всё, даже лампу на потолке. Моё бедное сердце бешено забилося. На какой-то миг я забыл, что весь день ужасно мучаюсь. Что-то подсказывало, что впереди будет только хуже.

Оля тут же отдаёт меня на руки какому-то бородатому двуногому в халате, выходявшего ранее вызывать. От него несёт страданиями моих предшественников. Я начинаю шипеть, но он только улыбается.

– На что жалуетесь? – спрашивает он у моих не на шутку

встревоженных двуногих. Они все как на духу выкладывают всё про мои несчастья за два дня. Оля придерживает меня и поглаживает по спине. Я же гляжу вниз, не понимая чего ожидать.

Оле приказывают держать меня крепко, и мои глаза устремляются на её страдальческое лицо. Она кивает мне, и я снова перевожу взгляд вниз, но уже на стол, в отражении которого моя измученная морда с наострѣнными ушами. И что этот ужасный двуногий начинает делать? Щупать меня, от чего у меня едва глаза не вылезли из орбит. Я кричу, чтобы прекратили! Но все вокруг словно оглохли, только хозяйка пускает соплю. Да, этим она типа помогает! В голове стало сильнее давить. Дышать пришлось не так глубоко, чтобы совсем не окочуриться. Дотошное ощупывание – это цветочки, как позднее я убедился. Ягоды оказались гораздо хлеще. Скользящий холодный стол, явно повидавший на своём веку многое, превратился в пыточное орудие. Мою холку оттягивают назад, и так держат. Я не могу пошевелиться, но вполне шиплю. Как же мне хотелось покоя.

– О боже, что это вонзается мне в задницу? Алло, мне и так больно! – мои страдальческие вопли раздаются эхом.

Оля то ли от усталости, то ли от секундного замешательства не удерживает меня, и я раздираю в клочья её руки. Но вскоре низ каким-то образом немеет, и это принесло иллюзию облегчения. Но на этом хорошее заканчивается. Оле дают чёрные большие рукавицы, уже порядком кем-то порван-

ные. Она надевает их с виноватым видом. Затем она снова берёт меня за передние лапы. Доктор разворачивает меня и что-то делает с моим мочеиспускательным органом. Хотя я не мог толком что-то ощущать ниже пояса, но нос уловил запах, так знакомый мне. В моем теле стала появляться небольшая лёгкость. Однако сказать, что становилось прямо совсем легко – означало бы соврать. А я парень честный!

Затем доктор вытаскивает длинную штуку, которой выжимал мочу в судно. Содержимое эмалированного судна отправляется прямиком в умывальник, и снова оно появляется возле меня. После чего доктор, его помощница и Оля ставят на задние лапы и вытягивают вашего покорного слугу в полный рост. Руки эскулапа начинают давить ниже рёбер! Несмотря на онемение во второй половине тела, я едва не сошёл с ума от боли! Моё горло выдаёт такие рулады, как никогда в жизни. Режущая боль пронзает меня до самых кончиков ушей. Моё шипение, крики, способные посоревноваться с шумом от реактивного самолёта, попытки вырваться из крепких объятий – только усиливало экзекуцию. Оля как-то под влиянием эмоций и усталости опять даёт секундную слабину, и я разрываю эти чертовы рукавицы. Она упускает меня, и я падаю. Задницу я совершенно не чувствовал, но я мог ясно выражать, что с меня хватит. Возле меня стояло судно, уже наполненное с большими камушками. Подо мной растеклась зловонная лужа из крови и мочи. И снова меня возвращают к прежней позе. Не знаю, сколько это длилось,

но могу поклясться, что целую вечность!

– Пожалуй, на сегодня с него хватит. – Говорит мой учитель, в очередной раз убирая судно подальше от глаз моих ошарашенных двуногих. С одной стороны, я обрадовался, что меня перестали терзать, но с другой – завтра опять сюда... Сложно сказать, что хуже: умирать дома от невозможности помочиться или становиться жертвой рвачей. Это как выбирать между гвоздями и иголками на обед насущный. Одного сорта чего-то там, как говорится.

Дома я заметно радуюсь, что наконец-то мне стало немного легче. Даже дававшая знать о себе ноющая боль не могла испортить момент радости. В голову не давит и даже клонит в сон – значит, уже отлично. Помимо боли мне мешали толстые трусы. Я вообще ненавижу, когда на меня напяливают что надо и не надо. Моё шаткое равновесие нарушается, и я начинаю казаться со стороны заядлым пьяницей в фазе активного запоя длиной в месяц. Пытаюсь идти в комнату, но мои задние лапы меня подводят; они будто мне не принадлежали. Падаю на сторону, стоя лишь на передних лапах. Только чудом не заваливаюсь полностью. В передних лапах вся моя оставшаяся энергия. Я не могу поверить, что мне пришлось испытать на своём маленьком тельце. Хуже только... Да нет ничего хуже! Мне всего ничего, но такое ощущение, что жизнь переехала меня вдоль и поперек асфальтоукладчиком раз пять, что уж наверняка. Такое не пожелаешь и самому заядлому врагу.

Я подхожу к одному из кресел. Мой взор устремляется наверх. То, что до недавних пор не представляло для меня большую сложность – стало недостижимой высотой. Как же всё болит, и задние лапы волочатся половой тряпкой. Но зато ничего в голову не давит.

Хорошо, что двуногие обладают хоть каким-то интеллектом, которого им едва хватает на понимание потребностей несчастных безмолвных душ вроде меня. У меня даже голос стал не таким звонким и громким, вместо него выскакивали хриплые мольбы. Меня бережно подхватывают и кладут на злосчастное кресло. О, мягкое родимое местечко. Я упал тут же, потому что силы окончательно покинули меня, а веки неуклонно закрывались. Уснул я моментально, не замечая ни шума ни света. Желанный и недостижимый за весь прошедший день сон обещал мне принести немного облегчения. Забыть обо всём, что причиняло невыносимые страдания.

На следующий день не стало так уж и хорошо, как ожидалось. Да, внутри меня не распирало, что аж мозг грозился вытечь через уши. Да и задние лапы снова стали мне служить верой и правдой, не то что вчера. Но в горле было сухо, всё внизу отчаянно болело, тошнило от любого движения. Так плохо мне ещё никогда не было. Двуногие смотрят на меня с пристальным вниманием, и их лица выражают напряжённое беспокойство. С самого утра они не спускают с меня глаз. А лучше бы сняли с меня эти чудовищные трусы. В них не пройти ни проехать. Да о чём это я; в них даже повернуться

нельзя. Из-за памперсов я представляю собой неуклюжего старика с энурезом. Ещё тот красавчик; ни убавить ни прибавить.

И так весь день. Я терзался на кресле, с лихвой отсыпаясь за прошлый день. Оказывается, не только в еде можно быть ненасытным. Мои попытки между пробуждениями снять памперс сопровождались укорами и тем, что меня держали до тех пор, пока я не успокаивался. В их пользу служило моё бессилие после вчерашней процедуры, и поэтому мне ничего не оставалось другого, как сдаться. Да, никакой из меня варяг.

И вот уже вечер. Двуногие оставили меня наконец-то в покое и скрылись в коридоре. Однако я поторопился радоваться. Оттуда донёсся грохот – это они начали таскать большой мешок. Куча ругательств, тяжёлое дыхание и порывистые движения, которые было сложно не заметить, когда они появлялись в дверном проёме. Они вдвоём так скакали возле того мешка, будто он представлял для них огромную ценность. Как же так? А я? От обиды я отвернулся, авось вздремну немного, потому что наяву я только страдаю.

Но мне спать долго не пришлось. Оля, одетая для улицы прохаживалась вокруг меня. После чего стала укладывать в знакомую коробку, в которой носила меня вчера к извергу. Я с ужасом начинаю подозревать, что меня снова ждёт невыносимые мучения. Пропавшая тошнота вновь стала подступать к моему истерзанному горлу, и я прикладываю большие

усилия, чтобы подать молитвенный голос разума. Но черта с два! Я снова в коробке, на улице, где мне холодно. Темно, и хозяйка приговаривает, что надо ходить, мне же во благо. Я прекращаю кричать; но не потому что мне стало стало спокойнее от увещеваний, сколько чтобы приберечь силы на сопротивление дядьке с цепкими ручищами живодёра. Пусть не думает, что попал на беспомощного простака, который не в состоянии заступиться за себя. Жаль, что Оля с готовностью разделяет его методы издевательства надо мной. Но я был слишком слаб, чтобы обижаться на неё. В этот период она для меня не существовала. Был только я и доктор, которого лучше называть садистом.

Меня, как и вчера, не сразу заносят в пыточную. Перед мной там занимались собакой, если верить моему носу, который меня никогда не подводил. Правда, запах смешивался с ужасно пахучими лекарствами, но меня не проведёшь. Надо же, не только мне приходится страдать. Затем её, лишённую сознания, вынесли в сером одеяле и сразу же на выход. Даже мне стало её немного жаль. Что с ней должно было случиться, что она спит крепким беспробудным сном? А ещё это вселило в мою голову мысль, и что меня ждёт та же участь. Может, сей эскулап с каждым разом изгаляется с нарастающей жестокостью над нами, беззащитными существами? В общем, ничего хорошо я не ждал.

Вот и наступила моя очередь. В тот момент, когда я снова оказался на столе в пыточной, я решил, что лучше умер бы

вчера, лишь не терпеть снова эти издевательства! Что ещё из меня можно выдавить? Душу? Эй, Оля! Ты в курсе, что это смахивает на неоправданное живодёрство? Но она виновато отводит взгляд, опуская его вниз. Она снова придерживает меня за передние лапы, чтобы я не дал бегу. Побежишь тут, когда на тебе вот это со вчерашнего дня, – и я посмотрел на памперс. Таки не прощу ей этого. Ни за какую лучшую рыбу в мире, точка!

Не успел я толком всё обдумать и обрадоваться, когда с меня сняли отвратительные подгузники, как эти руки снова стали щупать мои бока, и я кричу. Как от боли, так и от ужаса. Снова мне делают кучу болезненных уколов, несмотря на моё шипение. Ничем их не проймёшь, и вчерашний кошмар повторялся вопреки моим попыткам и надеждам. Вторая половина меня ничего не чувствует, хотя где-то да прорезается острая боль, достигавшая моей головы. Судок снова наполнился камушками, уже меньшими. Подо мной росла лужа из мочи вперемешку с кровью.

А ещё мне поставили клизму. Для этого меня потащили к умывальнику, поставили на все четыре лапы и придерживали за холку. И что-то больно вонзается под хвостом, и я с ужасом выдаю рулады. Пока мой живот наполнялся и опустошался насильственным образом, я окончательно сорвал голос. Мучили меня ещё и тем, что верхняя часть меня висела в воздухе, придерживаемая двумя парами рук. Аж дух захватывало, а глаза едва не вылезали наружу.

Под конец я уже бессильно хрипел, но так же безумно тараща глаза. Снова меня укладывают на стол, где лежу боком. Заканчивается это тем, что в мою переднюю правую лапку вонзают иглу. Из неё по моей вене текло лекарство. «Обезоживание» – таков итог моих приступов и варварских методов извлечения камней из моего организма. Даже капельница воспринималось мной равнодушно. Она мне не причиняла никакой боли, в отличие от того, что практиковалось пять минут назад. И опять домой в коробке, где я лежал без сил и молча. Новый памперс, шаткая походка и снова тяжёлый сон. Даже мысли «Когда же это кончится» не возникало, так как думать вообще не представлялось возможным.

И так продолжалось несколько дней. Меня так же несли вечером, мучили от души, и затем уносили домой, где я падал без чувств в забытие. О днях, когда я скакал бодрым горным козлом, я думал как о нереальных, которые явно происходили не со мной. Настолько меня поглотила болезнь и способы избавиться от её последствий, что недавнее прошлое казалось просто очередным сновидением.

В последний день (я ещё не подозревал, что он таковым был) я едва ли замечал происходящего со мной. У меня не осталось даже сил, чтобы пискнуть. Моё горло, которое я нещадно драл на протяжении всего лечения, охрипло. Мои лапы едва держали меня в равновесии, и это только стоя без движения. Я спокойно улёгся на столе, смирившись со всем, что со мной творят. Даже уколы меня несколько не волнова-

ли. У хозяйки помимо слез, уже и сопли текут. Она опускает голову поближе к моей и едва сдерживается. Её ладонь бережно касается моего лба и нежно и плавно спускается к затылку, за которым следовала холка, стоявшая от недостатка воды. Я смотрю на неё и одновременно – мимо же. Мне было так плохо... Мои глаза невольно увлажнились. Да, я зарыдал, несмотря на то, что рыдать мне было нечем. Обезвоживание не спешило покидать моё истерзанное тело. По моим венам текло нечто из иголки, вставленную в мою правую лапку. Её перед этим не раз брили, и я видел сероватую кожу. Но мне стало уже всё равно. Всё, чего я отчаянно желал – это освобождения от этого угнетающего состояния. Я не заметил, как мне сменили катетер, надели очередной подгузник и уложили в коробку. Лицо Оли аж покраснело из-за перенесённых чувств. Эх, она сама меня обрекла на эти муки, чего ей реветь? Как же она утомляет своей нелогичностью и нервной натурой.

Не знаю, что произошло, но дома я не успел толком очнуться, но уже чувствовал небольшой прилив сил и даже намёк на забытый за столько дней аппетит. Мне в миску налили свежего холодного молока. Я немного отхлебал его, невзирая на ощутимую тошноту. Впервые за эти долгие дни и добровольно! Рядом с молоком мне постелили лежанку, но я полежал на ней совсем недолго. Спать как-то не тянуло, что неудивительно после стольких отсыпаний за последние несколько дней.

Правда, я всё так же едва держу равновесие, и поэтому падаю на попу через раз. К тому же эти чертовы подгузники и так меня нервировали, поэтому я стал пытаться от них избавляться, за что получал предупреждающее от Оли: «Эй», что означало «Только попробуй!». Но я пробовал; с каких это пор я слушаюсь кого-то? Мне хватало ума уходить из поля зрения Оли, чтобы впиться зубами в липкие боковушки. Не будет же она всегда сидеть и наблюдать за мной, ведь есть же у неё свои дела. При ней я пил молоко, лежал на лежанке и подрёмывал. В общем, усыплял бдительность.

Затем ко мне вернулся голос, и по мнению домашних, не очень вовремя. Все улеглись спать, только Оля не смыкала глаз, глядя в мою сторону.

Я к тому времени продолжал носиться с идеей скинуть это безобразие на попе. Хотя нет, вру. Иногда я укладывался спать, но постоянно вскакивал и присматривался, уж не следит ли кто за мной. Только после этого я приступал к сложной миссии скинуть с себя балласт. Но Оля в эту ночь продолжила доказывать, что она сама бдительность, что было ей несвойственно. Она постоянно ловила меня за неугодным, по её мнению, занятием и срывала мои робкие попытки на корню. В общем, к утру она не сомкнула глаз, а я остался при своих труселях.

К концу первой половины следующего дня я таки добился своего. Правда для этого мне пришлось залезть под диван и совершать там свои акты освобождения, право на которое

закреплено в какой-то там Конституции. Учитывая захламлённость и гору пыли, то я тот ещё самоотверженный борец.

Затем за памперсами последовал противный катетер. Ишь чего! Себе вставляйте эту гадость, а мне она ни к чему. Конечно, было не очень приятно вытаскивать из воспалённого места, но и ходить с ним уж никак не хотелось.

Конечно, впоследствии я получил за это многочасовое нравоучение. Но мне было всё равно. Единственное, в чём мы сошлись, так это в еде. Никто и никогда так не радовался при виде меня за поглощением пищи. Да и я сам был доволен этим. Меня не тошнит, не распирает, боль уже утихает. Практически заново родился, чтобы жить дальше. И кажется, больше к тому дяде я больше не попаду.

Мне пытались омрачить сладость того времени насильным кормлением каши и супов. Но я, несмотря на неохоту, позволял наполнять мой желудок, ведь он стал особенно капризным и бурчал чаще прежнего. А потом всё сошло на нет, и поэтому я решил, что не стану утомлять подробностями, как это происходило.

Жизнь номер пять. В четыре года появляется самая любимая кошка в моей жизни

Серая красавица с ореховыми наивными глазками в небольшой коробке из-под обуви. Да она и сама не особо могла похвастать размером, так как от роду ей было не больше двух или трёх месяцев. Против моих приличных четырёх годов это целое ничто. Она же только вчера сосала мамину грудь, а сегодня сидит передо мной и тремя двуногими, и мы ей совершенно чужие. Сказать, что я был заинтригован появлением неожиданной гостьи – значит ничего не сказать. Тоже перепуганная, как я в своё время. Правда, при виде меня она не так сильно страшится, как это было с Люськой. Она не лезла никуда и не пищала в укрытии, испытывая терпении окружающих. Просто бросала удивлённые взгляды на всё, что попадалось в поле зрения. Что-то мне подсказывало, что свою маму она давно не видела.

Но на первых минутах моё пристальное внимание слегка смущает её. Затем она понимает, что я не склонен обижать маленьких созданий, и начинает озорничать. Правда, не со мной, а с Олей. Хотя разве должно было быть не наоборот? Она же большая и громкая, не то что я – пищущее дитя. Меня начинало задевать, и я стал кружиться вокруг дивана, на

котором стояла коробка с ней. Я больше всех на свете заслужил чести принимать столь почётных гостей, нежели какие люди. Наконец-то котёнок обращает свой взор на меня. Её достают из коробки и ставят на пол. Когда она оказалась совсем рядом со мной, я несколько ошалел от радости. Во мне проснулось забытое: вернулась страсть к играм и проказам. Кошка, видимо поняв, что я безобидный, стала заигрывать со мной. Повертев вокруг да около, скрепляя знакомство, мы стали гоняться по комнате. Ух, мои кости будто затрясло; сказывался в общем-то лежачий образ жизни. Прозвучит странно, но каждым кругом энергии во мне только прибавлялось. Пока мы останавливались передохнуть на несколько секунд, я успевал с восхищением отметить про себя, что в ней нет глупого страха, зато умом щедро наделена. Люська на её фоне просто меркла. Я наслаждался каждой секундой во время наших увлекательных игр наперегонки.

Женщина, которая принесла её, сказала, что пусть пока побудет у нас. Ух, как я обрадовался такому предложению! А то понимаете ли, скучно одному среди двуногих. Они-то хорошие, но всегда хочется общаться и с тем, кто тебе подобен. И мы продолжили свои игры. Затем мы подкрепились вкусеньким, принесённым той женщиной. Эту ночь я снова встречал не один, как и утро. Затем и новый день... Жизнь начинала обретать новые краски, одна ярче другой. Никакого тебе пассивного времяпровождения на кровати, удивляясь странному поведению двуногих. Никаких тебе нраво-

учений с больной головы на здоровую... Перечислять я могу долго. Во мне действительно долгое время царил старик, которому лишь бы поест и поспать. Думать о том, что кошка у нас поселилась на несколько дней, совершенно не хотелось. Я старался ловить каждый миг радости. Кошка со своей стороны тоже начала проявлять не просто дежурный интерес ко мне. Видимо, я ей очень понравился, потому что вскоре она всегда следовала за мной верным хвостиком.

Но зря я слегка волновался о временном пребывании кошки в моей квартире. Её хозяйка, с ужасом заметив, что она дерёт всё, что видит, ест как не в себя, и, о ужас, ходит под ванну, начала говорить, что она может ещё остаться у нас. Ведь у неё ремонты, а девочка пусть побудет в спокойной обстановке. Мне ее слова показались неискренними. Впрочем, мне жаловаться было грех, ведь я этого желал. Не хотелось снова испытывать те эмоции как тогда, когда Люську отдали в чужие руки. Наше совместное общение приносило друг другу незабываемые минуты веселья и восторга. Ей ничего не стоило вылизать мне голову, как моя мама – в своё время. И самое удивительное, я мог бегать по квартире даже спустя три дня, потом неделю и так далее. Хозяйка кошки не спешила забирать её, и мне начинало становиться ясно, что она и не заберёт. Мне не в первой сталкиваться с тем, как люди говорят одно, а делают совершенно противоположное. Или не делают вообще. Если Собака (так её звали из-за непомерного аппетита) и поняла, что никто не ста-

нет её брать к себе, то вряд ли расстроилась. Ведь иначе нам придётся расстаться, а кому этого хотелось?

Я выматывался от игр с Собакой, и поэтому мне было совершенно не до двуногих. Собака оказалась очень активной девочкой, и энергий в ней хоть отбавляй. Наверное, виной тому был не только юный возраст, но и каша, которую она уплетала с большим удовольствием. Фу, как её можно есть, ещё и добровольно, будто это кусок свиной ветчины.

Её якобы хозяйка уехала к себе домой перед самым новым годом, то бишь спустя три месяца после появления моей любимой зазнобы. Конечно, речи о том, чтобы сдержать данное ей слово, не было. Что и требовалось доказать. Но зато я окончательно расслабился, поняв, что Собака никуда не денется от меня. Она вообще не горевала по той, которая её купила и толком не общалась с ней. Да и были ли причины? Она привыкла к нам, ко мне, к этой тесной квартире... Глядя на красивую мордочку этой брошенной девочки, не удерживаюсь от того, чтобы обнять её. Так я выражал любовь к ней. Большую, светлую, необъятную.

– Ой, а это предполагается есть? – думал я, приносившись к еде, щедро наваленной в мою миску. Опять каша какая-то. Фу, сами ешьте свою кашу, мне давайте что-то поинтереснее! Но потом понял, что в ней что-то наколочено. Только озарение в мою светлую головушку пришло слишком поздно: Собака уже полностью погрузилась в мою порцию.

Я поднимаю голову и смотрю на её миску: она сверкала перевозданной пустотой. Да, ест за двоих она потрясающе.

– Смотри, Шева, как кушает твоя подруга! Пока ты думал, она всё съела. – Подначивала меня Оля, полагая, что её слова заденут меня за живое. Какая наивность! Вообще-то не такой я уж и голодный. Пойду воды попью. И подожду, когда кто-то из двуногих сядет подкрепиться. Они обычно едят очень вкусное, вот и выпрошу у них.

И вот Собака, прикончив мою порцию, подбегает ко мне. Да, кажется, я свет в её жизни. Любит меня, чертовка. Я приступаю к вылизыванию шёрстки, как своей, так и её.

За окном стояла унылая зима со своими снегом и холодом, из-за которой не посидишь на балконе в поисках впечатления и свежего воздуха. Дурацкие блестящие игрушки с колючим растением убрали с глаз долой. Любимая Собака продолжает творить всякую дичь. Мне кажется, её не сильно любят. Старшая двуногая говорит о ней ровно то же, что и о Люське. Только почему-то на этот раз никто не спешил меня лишать компании. Кажется, теперь мне можно расслабиться и не думать, что у меня отнимут сие золото.

Мне бы радоваться, что обрёл таки постоянную компанию, но моё здоровье начало подводить. Опять знакомые до боли трудности с туалетом. А я-то надеялся, что этого больше не случится. Зря что ли мне пришлось пережить почти недельную экзекуцию у доктора по зверям? Однако у мое-

го организма оказалось другое мнение на этот счёт, раз соизволил вновь напомнить проклятым приступом. Наверное, хозяйка разделяла мои надежды, потому что она со страхом наблюдала, как я лежу, полуживой от недомогания. Зато Собака рядом бежит и не понимает, что происходит. Её выразительные глаза показывают сложную гамму из чувств, понимавших внутри неё. Она с удивлением смотрела на меня, когда я кричал в туалете, не в силах освободиться от ранее поглощённой воды. Или когда я лежал, не реагируя на её игривые поползновения.

Иногда она укладывалась рядом и пристально смотрела. Как же я завидовал ей! Она могла есть, пить, баловаться и так далее. Конечно, она не могла поверить, что её верный друг не проявляет никакого желания бегать по квартире, как ужаленный. Самое худшее – она могла брать и вылизывать меня, а мне так хотелось, чтобы меня не тревожили лишний раз. Я кричу и стараюсь отворачиваться... Дошло даже до того, что мне приходится прятаться от неё под старым знакомым диваном. И она, если и приходит туда же, то тут же покидает.

Но на этот раз всё прошло само, и меня не требовалось нести к дяде, который мял бы меня, как мешок с конфетами. Но в те дни я ясно осознал, что так будет ещё не раз. И возможно именно это прикончит меня.

Ещё немного о гастрономических извращениях Собаки.

Я как истинный мясоед и рыбоед, совершенно не одобрял её любви к кашам, не говоря уже о том, что она нагло снесла мою порцию, едва начатую мной. И главное, всегда доедала до блеска мисок. Я на её фоне питался словно воробушек, хотя мои габариты превышали её в два раза. Но однажды случилось нечто не поддающееся логическому объяснению...

Оля постоянно смеётся, читая книгу от какого-то популярного автора ироничных детективов. У неё тоже хватало дурацких привычек вроде того, что чтение совмещалось с поеданием чего-то вкусного или распитием чая. Редко она разъединяла эти два процесса. На этот раз она пила чай с единственным зефиром в шоколаде. Его она ела из кулька; откусит, запьёт гадким пойлом с лимоном и положит рядом, чтобы перевернуть страницу. Ну вы поняли, как это бывает. Конечно, её глаза всегда устремлены в перед на эти бесконечные чёрные знаки на желтоватых листах.

Собака, обладавшая скверной привычкой набивать брюхо до отвала, явно была неудовлетворена размером съеденной порции. Правда, об этом знала только она, чем и воспользовалась. Она бесшумно приблизилась к кульку, в котором лежал надкусанный зефир рядом с чаем. Оля этого не замечает. Собака привстала на задние лапы и принюхалась к зефиру. Мне как-то давали понюхать его, но я уже по запаху нашёл его несъедобной штукой, и наслаждение на лице двуногой меня не могло убедить в обратном. Поэтому вы отчасти можете представить степень моего удивления, когда Собака

схватилась зубами за зефирку. Кулёк шлёпнулся на пол, едва не задев чашку с недопитым чаем. Собака ела добычу с таким видом, словно это самое лучшее мясо в мире. Мне пришлось потратить немало усилий, чтобы поднять свою нижнюю челюсть с пола при виде этого зрелища. У меня это... как его... А, когнитивный диссонанс! Как это можно есть? Ладно, люди. У них совершенно ненормальные предпочтения к еде. Курочку и хек они спокойно могут любить так же, как и булки с арбузами. И тут Собака пошла по их пути. Невольно начинаешь задумываться: а кто на самом деле тут извращенец? Я или они? Собака определённо пошатнула мои скрепы.

Оля наконец-то оторвалась от книги, чтобы сделать очередной глоток чая с зефиром. Она поворачивает голову, а кулька нет. Взгляд падает ниже. Возникает глупая улыбка вкупе с удивлением (не сравнить с моим, конечно), и раздаётся шуточный укор:

– Не знала, что коты едят зефир!

Собака, достаточно наевшись, тут же бросает приличные остатки зефира и выбегает прочь из кухни. Оля подняла кулёк, с сожалением вздохнув, и связала его. Дальнейшее меня не интересовало, и я пошёл вслед за Собакой. Да, она открылась для меня с новой стороны. А может, она и котов не брезгует поедать, как думаете?

Жизнь номер шесть. Пять лет, которые омрачены её уходом

Ох и чертовка! Так долго со мной никто не жил!

– Прекрати есть из моей миски, – хотел я сказать заметно подросшей Собаке, когда она слопав свою порцию, полезла к моей. Впрочем, ничего нового. Да, есть у меня дурная черта – пока другие едят, я принохиваюсь и оцениваю процент съедобности пищи перед моей мордой. Но раньше ведь меня так не объедал! Сколько сожранных порций из моих мисок на её совести!

Но Собаку ничем не проймёшь, да я и сам не сильно старался отгонять от моей порции. Будем честными: какая-то каша, хоть и вперемешку с мясом или рыбой, недостойна скандала. Мне вполне хватало и того, что мне давали с рук. И поэтому мне ничего оставалось другого, как смиренно наблюдать, как эта ясная головушка тонет в моей миске. Хоть еда не пропадает, и ей хорошо.

Но пальму первенства в погоне за кусочками, которые бросала Галя, я ей не отдавал. Наоборот, всячески гонял прочь, когда замечал, как Собака зарится на колбасу или курочку для меня. Я ей так и говорил: «Это – моё!». Иногда она внимала моему возмущению и отходила прочь. Возможно, её обижал такой тон, но в такие моменты я думал лишь о се-

бе. Достаточно она меня объедала, а мне как мужчине нужно больше есть! Вон она сама в свой почти год вдвое меньше меня, а жрёт так, словно как раз это я – малыш. Никогда я не ходил так часто слишком голодным, как с ней. Вон, даже бока впали и склеились между собой, пока это прожорливое чудо проглатывает еду из моей миски.

И вообще, разве ей мало любви ко мне, прекрасному принцу на белом коне? И как можно так с ним поступать, воруя последний ломтик чего-то вкусного? Женская логика в деле. Хотя логика двуногих мне понятна ещё меньше. Она у них вообще есть?

Галя опять жалуется на ухудшившееся самочувствие. Оля куда-то звонит. Спустя полчаса раздаётся звонок в дверь. Открывается дверь: заходит какой-то дядька и ругается, что мы оба путаемся под ногами. Ух, а он кто такой, чтобы возмущаться? Ещё и в халате! Знаю я таких, живодёров. Мои попытки не пускать его внутрь терпят фиаско из-за Оли, которая вышла провожать его в комнату, не успев закрыть дверь. Мне не понравилось, что моим мнением никто не поинтересовался. Зато подъезд, как всегда, манил...

– Собака, давай-ка прогуляемся немного в подъезде? – говорю я ей. Она лишь моргает своими ясными глазками, не соизволив ответить. Но было очевидно, что она готова пойти со мной хоть на край света, не думая ни о чём. Как же я сильно жалел с того времени, что подбил её на эту авантюру.

И мы практически одновременно высказываем наружу. Я-то бывалый, но Собака всегда тряслась, когда требовалось выйти из безопасной квартиры. До этого вечера Оля несколько раз выносила нас обоих во двор. И никогда Собака не соглашалась провести хотя бы пять минут на свежем воздухе, даже в моём присутствии. Отпустишь на асфальт, а она уже в подъезде под батареей при входе. Я же терял интерес к ней, когда видел траву, деревья, птичек. Мне было чем заняться. Я пожимал воображаемыми плечами при виде позорного бегства, зарываясь носом в сочные травинки. Оля шла за ней и вытаскивала наружу, чтобы снова вывести во двор. Естественно, сажала возле меня. Собака явно тушевалась, замечая мою отстранённость. Чем, само собой, не могу гордиться. И снова побег в подъезд в укромное место. Ещё пара бесполезных попыток, и после этого её несли домой, а затем – и меня за компанию, что мне не нравилось. Я замучился сидеть в квартире, мне нужно достаточно насидеться во дворе. Но куда там! Отдувайся ещё и за неё. Но я не укорял Собаку, потому что слишком любил и жалел.

Однако той ночью я вовсе не во двор стремился выйти. Тут уж просто привычка, против которой нет сил бороться. Может что-то интересное подвернётся между этажами, пока в доме чужой мужчина, которому мы не понравились. Дверь долго оставалась открытой, и я спокойно ходил возле неё. И вот в какой момент я упустил из виду Собаку. Я почему-то не видел её, хотя она плелась за мной верным хвостом. На-

конец-то тот невежливый мужчина соизволил покинуть мой дом, и я быстренько вскочил обратно, чтобы не заставлять Олю ждать. Дверь закрывается.

Проходит несколько минут, прежде чем мы начинаем замечать, что чего-то не хватает.

– Где Собака? – обеспокоенно бегают по квартире Оля, ища взглядом мою верную половинку. Я ещё до неё начал заниматься этим, и мои широко распахнутые глаза блестят, будто смоченные в масле. Я пытаюсь что-то сказать. Она понимает, что случилось ужасное: Собака странным образом пропала. Галя одевается и выходит, так как Оля слишком слепа, чтобы ходить по темноте. Поиски по двору и на улице не дали никаких результатов; Галя возвращается с пустыми руками. Собаки, по её словам, нигде не было видно. И на голос не откликалась. Собака в этом плане была жуткой молчуньей: она почти никогда не мяукала, когда как я вечно болтал как заведённый. Оля не могла поверить в происходящее.

– Она боялась улицы, как она могла выскочить? Ещё и ноябрьской ночью!

Каждый раз, когда она задавала этот вопрос прежде всего самой себе, я начинал испытывать угрызение совести. Люську от меня забрали, но Собаку-то именно я вывел! Сидели бы с ней на кухне и ничего бы не произошло! Мне страшно подумать, что с ней случилось. Да и не только мне; двуногие постоянно её вспоминали, так и не поняв, как так могло слу-

читься. Моя морда всегда опускается вниз при упоминании её имени, хотя проходят годы. А это по-прежнему причиняет мне боль. Не то чтобы я не осознавал своего счастья при ней, но теперь осознание этого усилилось, и оно причиняло мне боль. Моя задача заключалась в защите слабого существа, а не в подначивании вроде прогулки где не следует.

– Что вывел Чучку в подъезд? – вопрошает Галя, называя Собаку запасной кличкой. Подобный вопрос звучал как приговор к смертной казни, ей-богу. Я опускаю глаза вниз, холя и лелея надежду, что моя девочка оказалась в надёжных руках и живёт гораздо лучше, чем с нами.

И вот нельзя не упомянуть ещё один любопытный случай. Или, если быть точнее, он касался кошки. Это случилось почти год спустя после неожиданного и необъяснимого исчезновения Собаки. Галя принесла откуда-то кошку, и только глянув на неё, я обомлел. Ореховые глазки, серая шёрстка, маленький размер. Да это же Собака, хотел бы воскликнуть я, но на деле, это была вовсе не она, хотя очень похожа. Она не боялась меня, и только с заметным интересом смотрела ещё и на двуногих. Оля тоже удивилась такому поразительному сходству со сбежавшейся, что выбило из моей головы было возникшие мысли про возможное начало старческого маразма. Она не могла понять, как такое может быть? Будто я мог, ага. Я пытался завязать знакомство с гостьей, но двуногие мне не давали этого сделать. Им казалось, что за мной

водится желание нанести вред. Меня постоянно отгоняли, а я, со свойственным моей натуре упрямством, крутился рядом. Ни сна ни желания поесть – самые святые потребности, которых мне не хотелось удовлетворять вообще. Даже если это не Собака, но все равно моё сердце скакало, как конь, увидевшийся гремучую змею. Кошка только удивлённо оценивала происходящее вокруг неё, и явно не стремилась настоять на том, чтобы поболтать со мной.

– Дай я пообщаюсь с ней! – кричал я и Гале и Оле, но черта с два; моя ясно выраженная просьба прошла незамеченной. Они только отмахивались.

По ходу разговора между двуногими выясняется, что сия мадам сидела под дверью одной из квартир в подъезде. Что могло указывать, что она не случайный приبلудыш. Шёрстка была чистая, аккуратно вычесанная и блестящая. Формы – округлыми, как у домашней и всеми любимой кошки. Даже я на её фоне казался дворовым бродягой (это не моя самокритика – я это постоянно слышу в свой адрес). И поэтому двуногими было решено, что кошку следует вернуть туда, откуда взяли. Галя берет её и направляется на выход.

– Как? Мне даже не дали с ней позабавиться? – со всей дури кричу я, тараща глаза от недоумения и возмущения. И тут же бегу вслед за Галей. Она будто не замечает моей слёзной мольбы не относить кошку обратно.

– Ты куда идёшь? Кыш, сиди дома! – Наконец Галя обращает внимание на меня, когда я выскочил за ней в подь-

езд. Она кое-как загнала меня обратно в коридор и закрыла за собой дверь. Я сел возле досадной помехи. Душа кричит, сердце разрывается, хвост подёргивается – я кричу вслед как можно громче и жалобнее. Но оно всего этого не стоило – Галля вернулась с пустыми руками. Стоит ли говорить, насколько меня переполнило разочарование? Мне казалось, что не случайно эта кошка оказалась одна в подъезде. Почти двойник моей Собаки. Это всё равно что поманить куском буженины перед носом, и не дать, положив в свой рот. Я, наверное, три дня ходил и дулся на домашних, переваривая в себе гнетущее впечатление, что надо мной просто издеваются. Больше ту кошку никто не видел.

Жизнь номер семь. Семь лет; никогда такого не было и вот опять

Так получилось, что седьмая жизнь выпала на седьмой год. А хотя нет, я соврал немножко. До семи лет мне оставалось полгода, но в тот период мне казалось, что мои отведённые часы стали проноситься уж больно быстро. Только разок моргни – и дня как не бывало.

Прошлый год мне повезло провести без сильного приступа, лишавшего меня сил жить, не говоря уже о питье и приёме пищи. Это снова дало мне ложную надежду, что так будет всегда. Но жизнь – штука жестокая и склонная к розыгрышам, особенно если дело касалось таких глупцов, как я. Она всегда преподносит то, чего ты ожидаешь от неё меньше всего.

Снова сижу на миске, и каждый раз заканчивается оглушительным фиаско. Меня внутри распирает, как шар – воздух. Затем я иду и укладываюсь на свою лежанку, чтобы набраться энергии перед очередным походом «по-маленькому».

И так несколько дней. Оля не находила себе места от переживаний. Мне же становилось всё хуже и хуже. Давление внутри меня нарастало, а из мочевого пузыря ничего не вы-

ходило. Предыдущий раз был гораздо легче, и быстро закончился. Наверное, только это могло объяснить медлительность в действиях двуногих. Конечно, к докторам с железными руками я не рвался, но эта чертова болезнь похоже не собиралась так просто отступить.

Я уже ничего не замечал: ни вкусной колбасы, ни свежей воды, ни пролетающих чёрных птиц за окном. И я было решил, что меня никто никуда не понесёт. Жуткое дыхание смерти уже отдавало в затылок, ещё не совсем обезвоженно-го.

Однако у двуногих терпение кончилось. Или надежда на «самостоятельное исцеление» помахала ручкой. Меня всё-таки снова несут куда-то. Особенно почему-то всегда, когда на улице холод. Самодельная переноска, и я вытаскиваю наружу голову. От морозного воздуха мне немного полегчало. Но меня всячески пытаются загнать внутрь. Со стороны поди это казалось глупой игрой.

– Эй, а меня кто-то спрашивать будет? – с негодованием вопрошаю я, пытаюсь поймать взгляд Оли. Ой, опять голова трещит... Вот теперь я проиграл, давая себя скрыть от глаз посторонних, которых было немеряно.

Но на этот раз были два существенных отличия: хозяйка потащилась со мной в нечто очень грохочущее, дурно пахнущее и шумное. А также – впервые меня несли ясным днём, ещё и снега полно под ногами. Всюду полно людей с хмурыми лицами и в тёмной одежде. Я опять то и дело высовы-

ваю морду наружу, но каждый раз меня ожидаемо упрасивают спрятаться. Ага, мне надо знать, куда меня везут! И что за странное место? Грохот, вибрация, сумасшедший шум от двуногих в тесном пространстве.

Не успел я привыкнуть к непривычной обстановке, как мы скоро покинули это невозможное сооружение. И снова холод, снег и люди в чёрном. Изредка попадаются неугомонные птицы в желании чего-нибудь да ухватить. Я даже им завидую.

Перед моими глазами предстал домик из красного кирпича. При входе я ощутил запах кормов и лекарств. Двуногие что-то обсудили с неизвестной за стойкой, говоря обо мне, и затем сели при входе, чтобы ожидать приёма. Мимо нас проходили огромные псы. Однако я выражал всем своим видом, что они меня совершенно не пугают. В этом не было чего-то сложного: моё самочувствие просто сводило меня с ума, лишая интереса к происходящему. Поэтому по большей части, мне было всё равно на всех и вся. Вот бы на улицу, где становилось чуточку легче.

Ой, мои худшие опасения по поводу этого места подтвердились: я оказался на столе в руках другого доктора, молодого, но не менее страшного двуногого. Он, как и тот, спрашивает про жалобы, затем ощупывает меня, предварительно приказав Оле держать за холку, из-за чего я не могу пошевелиться. Только глаза таращатся на всё, что доступно в поле зрения; а это всего лишь коричневая дублёнка не Гале.

Снова мне вставляют шприц кое-куда, и вытаскивают оттуда всё моё накопившееся добро. Как тут не вспомнить о тех мучениях, которые мне пришлось пережить в три года. Мои пятки холодели при мысли о том, что из меня снова сделают игрушку для битья. Но я не мог даже пошевелиться, чтобы приказать оставить в покое мою несчастную задницу. А на шипение и вопли всем было фиолетово.

Однако стоит признаться, что мне сразу стало легче, но бурный восторг не хотелось выражать. Вокруг меня царила какая-то гнетущая атмосфера. В нос бил аромат моей мочи, собравшейся за столько дней. Даже после быстрого приёма, но очень эффективного, из меня продолжало течь. Спустя всего каких пять минут коробка оказалась мокрой и неприятно пахнущей.

Домой меня увезли на той же штуке, только я уже был куда более бодрым. Голову я не прятал, и никто меня не просил скрыться. Вроде бы ничего занимательного, но мне многого и не требовалось. Мне не верилось, что я снова прихожу в себя. Этот визит принёс мне меньше моральных и физических страданий, и оттого он превращался в мираж. Вроде бы и доктор со шприцами, но так быстро и почти безболезненно. Должен быть какой-то подвох.

Дома я не пошёл спать, а первым делом бодро посеял на кухню, будто ничего такого не было. Мне жутко хотелось есть. Ведь это святое дело, чего не мог позволить из-за затянувшегося недомогания. Мне стало несколько веселее, хотя

опасался, что меня и завтра могут отвезти к тому двуногому в синей одежде и запахом вонючих лекарств. Но на следующий день я прекрасно справился сам со своими туалетными делами. Хотя течь не прекращалась ещё пару дней подряд. Однако этого оказалось достаточно, чтобы тема похода к доктору не поднималась. Тот молодой мне нравился гораздо больше, но к нему возвращаться... Да ни за что в жизни!

Проходит год безо всяких неприятностей, хотя и приятностей не так много случилось. Я начинаю становиться очень сентиментальным созданием. Двуногие теперь для меня не просто странные существа, но полезные. Я оценил старания моих рабов дать мне всё самое лучшее.

Я годами развивал навык по выпрашиванию манящего кусочка чего-то мясного или рыбного из рук. Мне так казалось вкуснее. Хоть люди имели глупую привычку поглощать отвратительную пищу, но мне всегда почему-то кажется, что вот именно с мясом или рыбой не та ситуация. Вроде как полагал, что мне кладут куски похуже. Да и честно, в еде из миски не было ничего занимательного. Вот другое дело, когда Галя ест. Она отломает кусочек и помашет передо мной, а я готовлюсь атаковать. Пойманная в воздухе колбаса кажется гораздо вкуснее. Если не верите, то обязательно проверьте. Я не стану врать.

Вот взять ту же рыбу. Ей меня не часто баловали, так как считалось, что она мне только вредит. Это ещё тот первый

доктор сказал, что она сведёт меня в могилу. Ага, так я и поверил этим бабушкиным сказкам! По моему авторитетному мнению – то, что вкусно – вредить не может! Галя как начнёт чистить рыбу или жарить – угадайте чей покой тут же нарушался? Это не в новинку, но раньше мне её давали до полного отвала, а теперь мне приходится вымаливать хотя бы крошечный кусочек самыми разными способами. Они нехитрые: я хожу по пятам, кричу как резанный, а иногда – лезу к самой рыбе в умывальнике, пока никто не видит. Зачем только издеваться над таким уважаемым котофеем, как я? Меня ругают за проявленное желание отведать рыбки, будто в этом есть что-то неправильное..

И вот однажды я таки украл одну рыбку. Лежала она в куче в умывальнике, где таяла ото льда. Моё воспитание хоть и прекрасное, но надо родиться равнодушным к обитателям рек и морей, чтобы героически сидеть и терпеть. Этот запах, который слышен в каждом углу небольшой квартиры, соблазнительно щекотал мой чуткий нос. Голова шла кругом, а слюна предательски текла изо рта, который я открывал, чтобы выпросить желанный деликатес. Я тёрся о ноги, ножки стола и стульев, холодильник – и всё тщетно. «Нельзя», «Рыба размораживается», «Рыбка варится» – и всё в таком духе адресовалось в мой адрес. Да что мне эти пустые разговоры, когда мой желудок сворачивается от манящего запаха, лишавшего покоя?

И в один такой раз двуногие оставили меня одного со все-

ленским соблазном. Я был бы большим дураком, не решив взять дело в свои руки, ну, то есть, лапки, разумеется. Ничего сложного: прыгаешь на стол, затем пара шагов к умывальнику. Рыба и правда оказывается не готовой к употреблению, так как она была замороженной. Но мне повезло что-то найти и оторвать от кучи. С мелкой добычей в зубах я прыгнул на пол, где стал есть. Однако под столом мне не понравилось, и я отошёл с рыбой от стола на пару шагов. Но так и мне было не так. Теперь я уже перешёл под самую дверь... Вот теперь идеально. Только некстати в этот момент меня застали врасплох. Распахивается дверь, и раздаётся голос Оли

– Что, рыбку украл? Как тебе не стыдно!

Конечно, она это несерьёзно, однако, так себе удовольствие, когда тебе не дают спокойно насладиться добычей, добытой в тяжёлых полевых условиях. Я ей ничего не ответил, продолжая откусывать рыбку. Будь она полностью размороженной, то было бы классно. Но и со льдом тоже сойдёт, чтобы удовлетворить зов голодающего из Поволжья.

Крал я иногда и курочку, пока она так же размораживалась. И ничего не стоило устроить рейд по столам, где стояли беспечно оставленные тарелки со снедью. Из-за этого меня прозвали бандитом с большой дороги.

– Хватит портить дорожку! – по привычке мягко замечает Галя, смирившись с моей потребностью поработать коготками. Тот диван, на который я «сходил» в первый день уже

давно не удовлетворял моим строгим требованиям. Обивка держится в буквальном смысле на добром слове. А мне надо что-то гораздо прочнее. Надо признать, что ковёр несколько не портился от моих гигиенических процедур с когтями. Однако я мог не брезговать креслом, ковриком на пороге и прочим. Самая сказка, когда получалось «выйти» на свежий воздух, где меня сажали на невысокое дерево.

Но с годами меня стала одолевать такая страшная и практически непобедимая штука, как лень. Я точил когти на отвали, полагая что этого достаточно. И грызть зубами не хотелось.

В итоге случилось это: врос коготь в прямиком в одну из подушечек на передней лапе. Мой дискомфорт рос по нарастающей: сначала боль слабо ощущалась, и то при ходьбе. Но я старался ступать по-другому, и вылизывал воспалённое место, наивно полагая, что этого достаточно.

И вот наступил момент, когда стало совсем невмоготу. Я стал ходить так, словно у меня три лапы вместо полноценных четырёх. Очень болело и ныло, а уж когда ставишь лапу, то пиши пропало. Я едва не плакал. Что за чертовщина такая! Вечно со мной приключаются всякие болячки, выводящие меня из строя!

Мои попытки избавиться себя от новой беды приносили мне лишь боль. Коготь впился так глубоко, что я когда пытался его грызть, то чуть не сходил с ума. Рана пульсировала, и даже мой шершавый язык подливал масла в огонь. Когда ле-

жишь или сидишь, то терпеть можно, но нельзя же всё время так.

– Что там у тебя? – как всегда, пристала Оля, трогая мою больную лапу.

– Да больно же! Не трогай её! – мой тон ясно давал понять, что мне и без её касаний невыносимо.

Только она вопреки моим просьбам стала тщательно изучать очередной источник несчастья. Пара секунд, и её лицо озаряется. Я не придавал этому должного значения. Однако через несколько минут, когда она появилась со страшными штуками в руках и забрала с собой в комнату, я дико испугался. Может, мне лапу отрежут, чтобы наверняка? Да ещё и боль усилилась, отдавая пульсацией и нытьём. Хуже стало, когда она стала ковыряться в моей ране. Тут уж не знаешь, когда хуже: визиты к рвачам или её внезапные потуги играть в доктора.

– Убрала свои руки от моей лапы! – мой ор был слышен до самого вокзала, но она усердно продолжила свою «операцию». Ещё и Галя присоединилась к ней. От боли в моих глазах всё потемнело, когда стали срезать коготь, задевая рану. Хоть и аккуратно, но я не мог это терпеть. Я шипел и кричал, и в конце концов меня отпустили.

Спустя пару часов экзекуция повторилась. Снова я орал благим матом, умоляя оставить меня в покое. Снова та же попытка попытка поработать над вросшим когтем, и наконец-то я испытал чувство лёгкости. Ничто теперь не впивало

в подушечку, заставляя её воспаляться и ныть. Но лапа была тут же обёрнута пластырем и прочей дрянью. Я потратил наверное около часа, снимая зубами липкую ленту, такую безобразную на вкус. После чего послушал в свой адрес, что я чего-то там занесу в открытую ранку. Но ничего не произошло, потому что я тщательно всё вылизывал. Я сам себе доктор, если кто не понял до сих пор.

Нельзя сказать, что тот был первый и последний раз. Спустя пять лет картина повторилась, но она ничем таким не отличалась, так что не стану повторяться. Но я в таких случаях постоянно думал о том, чем я так согрешил, что постоянно что-то не так со мной. Оля стала мне говорить, что я живу назло всем. И что меня ничем не возьмёшь. А то!

Было ещё кое-что вызывавшее у Оли то, что я называют «зудом недолекаря». И конечно же, я тот несчастный объект её многочисленных проб, не всегда удачных. Больше всего по жизни меня донимали уши. Зубы наголо, вопль отчаяния, мучительное мотание головой, запускание лап в уши. За долгие годы моей жизни я пережил несколько попыток избавиться мои уши от того, что вызывает у меня желание залезать лапами и иногда когтями прямо внутрь них. Меня хватают, заматывают (иногда – нет), раскрывают мои локаторы вопреки яростным сопротивлениям и капают чем-то. И я, конечно, тут же вытряхиваю капнутое добро прочь. Меня отпускают, и я бегу в самый укромный уголок, чтобы продолжить спокойно вытряхивать капли из ушей. Судя по тому, что эффект

был незначительный и кратковременный, оно того не стоило. Наверное, я когда-нибудь точно останусь без головы, пытаясь прочистить уши. Теперь представляете, через что мне приходится проходить чуть не каждый день?

С самого первого дня я всегда спал рядом с Олей. Хотя учитывая, что постоянно мочил постель, то она – самый настоящий ангел во плоти. На самом деле, нет, шучу. Я и сам не понимаю, как так выходит. Лежишь себе или спишь, наблюдая классную животрепещущую картину, и бац – а подо мной уже мокро. На меня всегда кричат под попытки побыстрее убрать безобразие на преждевременную стирку, которая якобы не планировалась так быстро. И бывало, что меня в тот же день не пускали в кровать. Но я упрямо лез, когда Оля спала сном младенца. На деле же я мог хоть на лежанке в коридоре дрыхнуть, как делаю обычно жаркими летними ночами. Но в остальное время меня неумолимо тянет к ногам. Они большие, удобные и, самое главное, тёплые. Мне ничего не стоит улучшить момент, когда Оля, лежа на животе, вытянет ноги, и я тут же растягиваюсь по их длине, выставляя вперёд лапу. Кладу голову и сладко мурлычу. Согласитесь, против такого не устоит только кремень, кем моя рабыня не являлась. Поэтому под ва и простыней всегда лежал кусок клеёнки, который спасал мебель, но не меня – от пожеланий всего «лучшего», когда случался казус. Надо признаться, что в последнее время я редко так портачу. Наверное, та болезнь

отступила, а вы как думаете?

Жизнь номер восемь.

14 лет приносят мне сомнительный подарок

Сколько лет не освещались события из моей жизни после запоминающего семилетия? С ума сойти просто! Если вы решите, что мне рассказывать нечего было, то вы заблуждаетесь. Бывало всякое: внезапные приезды целой толпы двуногих, не дававших спокойно жить, мои шалости крайней степени наглости, непереносимость жарких дней, постоянные съёмки с моим участием, редкие вылазки на улицу, куча дней, проведённых в одиночестве. Продолжать можно долго. Выделю пару коротких историй.

Как вы помните, трава – это одна из моих больших слабостей. Однако если с колбасой или рыбой нет проблем круглый год, то с травой не всё так радужно. Ем я её только на улице, а то случается чуть чаще, чем никогда. Мне периодически приносят сорванные травинки, которые я тут же беру в оборот. То, что не надкусано, – лежит и вянет, а затем – и сохнет. Ещё Оля стала проращивать траву на окне, где она не так уж и охотно пускается в рост. Затем она вянет и гниёт. Попытки Оли удаются с переменным успехом, но это выручает, когда на улице зима.

Это всё замечательно, но двуногие пришли к этому не сразу. Поэтому я с самого раннего возраста неосознанно лезу куда не надо. Могу хоть на сервант залезть, где стоит ваза с ненастоящими цветами вперемешку с колосками. Они, конечно, натуральные, и поэтому я с аппетитом их пожираю, пока никто не видит. Точнее, сели Галя не видит. Оля с пониманием относится к моим приключениям на высоте. Даже более того, подсаживает, куда я попрошу.

Правда, меня тянет на телевизоры, столы и подоконники не только потому, что я ищу там что пожевать. Иногда это что-то движущее изнутри. Инстинкт охотника, скажем так. В этом есть доля авантюризма, когда ты видишь таких больших и высоких двуногих с высоты около двух метров. Они уже не кажутся тебе такими страшными и суетливыми. Будь моя воля, то вообще не слезал бы оттуда. И заметьте, я никогда ничего не ронял, настолько аккуратность была вшита в мою прошивку. Хотя нет, вру немного: один раз я скидывал с подоконника безделушки. Однако то скорее исключение из правил.

Особенно интересно лазить по верхам ранним утром. Оля вот спит себе, а тут я... Мои лапы становятся на её широкий лоб. А уж если я прямиком после туалета...

– Боже, да что ты там забыл? – бурчит Оля спросонья, снова уснув спустя пару минут. Я к тому времени прыгаю на пол, потеряв былой азарт альпиниста. И мой рот открывается, из него раздаётся пронзительное «Мяу». Да, я прекрасен.

Бывало в моей жизни и такие моменты, когда я спокойно лежал на клавиатуре от компьютере. Оля вместо того, чтобы ругаться, сфотографирует меня и выкладывает это в свои чертоги, где пропадает дурно человеческая жизнь.

«Он ломает систему» – таков был комментарий от кого-то там. Да, такова моя профессия. Если вам нужно сломать систему, то вы знаете к кому обратиться.

И в ваннах не прочь посидеть. Полутьма, никакого шума над ушами, интимная обстановка. Хорошо, если из крана ничего не течёт, а он иногда так и делает. То надо быть полным мазохистом, чтобы добровольно подставлять спину под капли. Бывает так, что и спать умудряюсь, оказываясь под мощным действием холодного пола ванны... Почему мои подобные вылазки всегда становятся причиной для бурных эмоций что у Оли, что у Гали. Правда у них они разительно отличаются. Первая может помахать своим дурацким телефоном, снимая меня. И воду она старается набирать так, чтобы на меня не попало. Однако во мне сидит червь недоверия, и поэтому я всё же выпрыгиваю прочь. Галя же спрашивает, что я там забыл. Ну и я отвечаю всякое, но чаще: «А мне так хочется». И воду уже пускает по полной, нисколько не заботясь о моём комфорте.

Залезал я в ванну ещё и потому что искал воду. Стоит где-то ведёрко с водой, и моя морда оказывается в нём. Оля не одобряет, так как считает, что я могу напиться мыльной воды, и поэтому постоянно сливала. Эх, как же это задева-

ет мои кошачьи чувства! Я не настолько глуп, чтобы отпить воды со стиральным порошком! И поэтому назло ей игнорировал воду в банке на кухне. Пусть сама пьёт, вот.

Что это такое стоит возле дивана, любовно облюбованного братом Оли? Из балкона пробивался яркий солнечный свет – весна вовсю царила в природе. Я уже успел с утра «погулять», наблюдая за птицами, движениями веток на деревьях, мимо проезжающими машинами и прочим. Оля чем-то своим занималась, а остальных не было дома. Я поел, чем нашли побаловать, и отпил немного воды из банки. Однако чего-то мне не хватало. А, наверное, надо немного поспать. Что и сделал, устраиваясь на одном из диванов.

После прекрасного сна в тёплый полдень я встал, потянулся... Выпрыгнул на пол и поточил когти, не отходя от кассы. И вот именно после этого я на свежую голову заметил кое-что возле дивана. Большая эмалированная кружка, давно потерявшая товарный вид, наполненная до середины чем-то тёмным, имеющим интересным аромат. Любопытство – моё второе имя, и поэтому я сунул голову внутрь кружки. Осторожно, конечно же. Едва мой нос достиг собственно цели, я почувал приятную прохладу. Проба на язык тоже принесла интересные открытия: эта жидкость оказалась довольно вкусной, хоть и странной. У меня напрочь отсутствовало понятие, почему, но мне не было важно. Мой язык заработал со всей мощностью, и я уже смело хлебал.

– Ого, ты чего это делаешь? – Спросила удивлённо Оля, стоя надо мной.

– А то ты не видишь, – ответил я, отрываясь от содержимого кружки. И был таков, направившись в сторону балкона.

Выпитое настолько мне понравилось, что я был готов потом ещё раз попить из той кружки. Но Оля, рассуждая, что это нельзя так просто оставлять и вылила всё в умывальник. Оказывается, это был чай, недопитый братом. Ну что ж, сам виноват (брат, не я), что оставляет на полу что надо и не надо.

Надо сказать, что больше я никогда не пил чай, молочко куда вкуснее. То было секундное помутнение разума и всего такого прочего. Вот вспоминаю и не понимаю, что мне так понравилось? Жуткая же гадость!

Пришло нечто, чего Оля так нетерпеливо ждала. Голубое с колокольчиком, длинное если не застёгнутое. И это находит тёплое место на моей шее. Я чувствую себя полным дураком, таская на себе всякую дрянь якобы для украшения. Неужели я недостаточно красив, чтобы меня не трогали подобной ерундой? Двуногие любят носить на себе столько всего ненужного и непонятного. Но мы-то, коты, в отличие от них прекрасны своей первозданной красотой, которая совершенно не нуждается во всяком мусоре из Китая.

И тряпки на меня пытается натянуть. Чего стоит куртка Санта-Клауса! Когда она надела его на меня я почувствовал

себя весьма неудобно. Я стою и не могу двинуться. Опять перед мной машут телефоном и щёлкают. Я смотрю на Галю, чтобы она помогла. Но она просто сидит и улыбается.

– Здравствуй, Дедушка Мороз, ты подарки нам принёс. – Вот что мне постоянно приходилось слушать от двуногих с того времени, понимая намёки на мои годы и белую «бороду». Я уж молчу про футболку с номером «7», детские кофточки, британский плащ и белые носки на задних лапах, когда я лежал и никого не трогал. Обязательно фотографируют. «Повезло» же мне с раб...хозяйками. Запомните, двуногие! Нам, кошкам, неприятны такие дела! Это собаки нормально бегают в костюмчиках, а нам нужна свобода! Хватит нас ущемлять своими тряпками и прочей чепухой вроде антиблошинных ошейников, от которых разит!

– Мяу! – говорю я Оле, когда та появляется на пороге балкона.

– И тебе здравствуй! – веселится она, делая три шага назад.

Я не отвожу взгляд, пристально наблюдая за ней. Снова она вступает на порог, и я повторяю приветствие. Оля смеётся и делает тот манёвр в третий раз. Такие игры у нас проходили по десять раз. Ей – смешно, мне тоже нормально. Я – вообще довольно общительный парень: мне палец в рот не клади, а болтаю по любому поводу. А как я обожаю поговорить с Галей. Она не так умиляется моей речью, но меня это

нисколько не останавливало. Плох тот кот, который держит рот на замке. Особенно ночью. Когда, как не тогда, разглагольствовать на важные темы, хоть и в качестве монолога? Оля не слышит и спит сном младенца, зато от Гали мне приходится выслушивать пожелания заткнуться. Но надо признаться, что и днём я ей надоел этим. Не дай ещё за ней следовать, то точно получишь звание домашнего террориста.

Но болтовня не была моим единственным развлечением. Не могу сказать, что желание играть и развлекаться прямо-таки пёрло из меня все восемь часов в сутки, пока я бодрствовал, однако пользовался представившейся возможностью. Например, я люблю гонять лапкой кусочки колбасы. Погоняю из одного угла в другой, и можно потом съесть его, как трофейную мышь. Но часто я загнал куски так далеко и необдуманно, что они попадали под кровать, холодильник, откуда их уже нельзя было достать. Вот так прижмусь и гляжу в даль. Зброшенное прямо таки манило к себе, но я ничего не мог сделать. Теряю интерес и иду восвоеси.

Или бывает, приходит весна... Ну, знаете, март такой животворящий. Словно просыпаешься от спячки и кровь бурлит... У Оли это выражало в генеральной стирке. Расстелит покрывало и давай чистить щёткой, чтобы убрать с него мои волосы. Она почему-то этим занимается в солнечные тёплые дни. И только представьте: вы полны бодрости и желания поразмять мышцы, а тут рядом щётка ёрзает то туда то обратно. Во мне просыпается давно уснувший котёнок. Я бе-

гаю по комнате и кричу своё, нападая на Олю. И она не отказывает мне в удовольствии побегать от меня, тем самым усиливая мой азарт. Но заканчивается всё так быстро: побегав немного, она возвращается к своим баранам. Я обиженно приседаю и грущу: почему так редко со мной играют? Бывало, что кинут конец верёвки и я начинаю гоняться за ним, не щадя своих лап. И опять-таки, это случается не так часто, как мне хотелось.

Или Оля, когда видит, что я не совсем сплю, засовывает руку подо мной под одеяло и давай её двигать из стороны в сторону. Ох, даже это мне в радость. Я с готовностью обнажаю когти и ловлю добычу. И так несколько раз, пока мне не надоест.

Я это рассказываю потому что нередко слышу в свой адрес, что я совершенно неигривый кот. Нет, вы понимаете? То есть с о мной никто по сути не возится, но почему-то виноват именно я? От такой несправедливости мои усы свисают вниз унылым полукругом. Двуногие такие непоследовательны в своих рассуждениях, что аж тошно. И это венец природы!

Так-с, прошло семь долгих лет с последнего приступа. Я начинал забывать, что такое не суметь помочиться. Но рано или поздно любой ниточке свойственно заканчиваться. В моем случае это была удача со здоровьем. Правда, проблем с туалетом не было, но вряд ли меня это могло утешить. Посудите сами.

Раньше я нормально переношил жару, а теперь что-то от неё совсем паршиво становится. Я укладываюсь на любое прохладное место. Таких мест – несколько: проход к балкону, пол в коридоре и подушка не первой молодости на балконе, когда темнеет.

Тошнота стала моей верной спутницей: я просыпаюсь с ней и с ней же и засыпаю. Но можно ли в жару спать? Мои крики по ночам понимают совершенно превратно и не оказывают помощь о которой я слёзно прошу. Только берут и обтирают влажной тряпкой, от чего, нельзя сказать, мне становится гораздо легче.

Меня от еды рвёт, как от жидкой каши, так и от маленьких кусочков курицы. Как же бывает: то, без чего ты не представляешь каждый новый день – вызывает лишь отвращение. Но как же гадко то, что предлагает мне хозяйка, замотав перед этим всю мою тушу. Какую-то жижу, которую я с трудом глотаю. Она твердит мне, что надо есть, иначе будут непоправимые последствия. Меня, черт побери, тошнит! Но я делаю ей одолжение и глотаю. Она радуется и бережно разматывает и опускает меня на пол. Я облизываюсь, хотя это стоит мне немалых усилий, потому что тошнота только усиливается.

Рано радовалась, подумал я, когда меня благополучно спустя какое-то время стошнило на пол в туалете. Как же мне дурно... Я весь трясусь. Силы будто покидают меня.

Одна сторона волочится словно она мне чужая. Я иду и чуть не падаю. И тут хозяйка не выдерживает. Она хватает

меня и сует в сумку. Себя бы всунула туда. Галя ворчит, что Оля только зря панику разводит. Я ничего не выражаю, сидя в сумке, ожидая не самых приятных вещей, хотя я в туалет ходить могу. Может никто не станет меня щупать и давить до посинения кончиков мои ушей.

На это раз никакого противного мороза, но и от жары не легче. Мне снова мочили уши. Лапы, спину, но это мне, как всегда, помогало на недолгое время.

Что-то мне напоминают эти сборы... Кричат птички, шумят деревья, коты орут – всё так близко. Я смотрю вверх и думаю о своём кошачьем. Вот мы и остановились. Между хозяйками продолжается спор на тему моего состояния. Дребезжание мотора и то приятнее для моих нежных ушек. Конечно, я не мог спокойно лежать в ожидании не пойми чего. Хоть меня тошнило, но я усердно наблюдал за окружающей средой. Вот рядом стоит старый двуногий, изредка посматривающий в сторону моих вечно спорящих хозяек. Оля не выдерживает и вытаскивает меня наружу. Она отдаёт сумку Гале, а меня несёт к траве. Я было присел на неё, но что-то меня испугало и я побежал по прямой, то бишь по траве под домами и заборами. Для хозяйки моё рвение оказалось слишком неожиданным: поводок выскальзывает из её рук. Меня оглушает её крик, что я дал деру. Но как дал... Я, пробежав всего пять метров, остановился на другом участке с травой, ровной, но такой неинтересной. Я смотрю на приближающуюся ко мне хозяйку и кричу.

– Не надо меня к ужасному двуногому, пожалуйста.

Кажется, впервые в жизни она поняла меня. Меня снова усаживают в сумку, но несут обратно. Оля ругается и рыдает, приближаясь к нашему дому. Галина не успевает за нами, и поэтому она была достаточно далеко, чтобы я успел перекусить парой травинок возле нашего двора.

Я словно оживал, когда лежал на неухоженной траве. Морщу свой нос и надкусываю сочные кончики.

«О да» – проносится в моей голове. Я не заметил, как возле меня оказался кот. Он вдвое меньше меня, чёрный, но местами шуба переливается рыжиной. Любопытные желтоватые глаза всюду устремлены в мою сторону. Я оборачиваюсь к нему и шиплю. Но того этим явно было не напугать, потому что он приблизился ко мне и стал нюхать меня в нос. Не знаю, что он искал, но затем он отошёл к углу дома, откуда спокойно наблюдал за мной и хозяйкой. Оля почему-то так любовно с ним разговаривала. Будь мне лучше, то я бы показал ей, что не стоит меня раззадоривать. Неужели ей мало меня одного?

Из двора выползает серая королева двора. Раскосые глаза цвета кофе с молоком, изящное кругловатое маленькое тельце, задорные полоски. Сэра... Помнится, как несколькими годами раньше во время «прогулки» перед домом я мирно пожёвывал траву. И всё было бы непримечательно, если бы не появление Сэры на горизонте. Она почему-то всегда следовала за Олей. Вот и в этот раз она мелькала неподалёку

от меня, словно стараясь чего-то не упустить. Кстати, мне придётся сделать небольшое отступление, чтобы внести ясность. Перед домом была что-то вроде клумбы вдоль стен. Далее – тоже такой же длинный участок с травой и деревьями. Но там трава уж совсем на любителя. Поэтому я гулял прямо под нашим балконом. Так вот, клумба и участок с деревьями с обеих сторон заканчивается границами дома. И вот, пожевал, значит, я всякой всячины. Лежу такой, думая, чем бы ещё заняться. В поле зрения бросается она... В один миг я вскочил и побежал. Прямо на неё. Но и она не дура с заторможенной реакцией. Тоже побежала в сторону, где начинались ворота, за которыми я едва не отдал богу душу из-за пса.

– Стой, куда ты бежишь? – доносится до меня визг Оли, которая вечно не удерживает поводок в неожиданные моменты. Но поскольку я по былой памяти не стал бежать так далеко за этой серой трусихой, то упал как ни в чём не бывало в паре метров от конца клумбы. Моей злости не было предела. Кошка побежала куда не надо, а Оля рядом вопит. Чувствую, как конец поводка вздрагивает, я оборачиваюсь и одариваю Олю громким шипением. Дома – беззащитный диванный котик, а на улице – страшный зверь не меньше какого-то тигра. Вы бы видели это перекошенное лицо. Но она находит в себе силы и кое-как тащит меня при помощи поводка в свою сторону, от чего я не делаюсь более смирным.

Знатно я расцарапал ей руки, что даже кровь смачно ка-

пала. Я злился до самой двери в нашу квартиру. И дома я не унимался: я рычал и шипел, когда Оля пыталась снять шлейку.

Не знаю, что со мной случилось, но спустя пять минут я окончательно успокоился. Наверное, разозлился из-за бегства кошки. Накатило, а у Оли теперь рваные раны на руках. Наверное, больше мне не видать улицы и травушки.

Не опять, а снова меня унесло не ту степь... После того, как пожевал травы, меня понесли домой. Ну как понесли... Во дворе меня отпустили, чтобы я посидел на свежем воздухе. Чёрный кот не унимается и пристаёт ко мне. Я прижимаюсь к земле. Мой хвост сердито выписывает полукруг. Серой кошке на меня всё равно. Что ж, это взаимно. Двухногие поглядели на меня и других котов и понесли домой, где я улёгся в коридоре на лежанке. Нельзя сказать, что моё самочувствие значительно улучшилось, но что есть, то есть.

На следующий день с моей головой произошло нечто совершенно непонятное и новое: мне стало несколько трудно держать её высоко и прямо. Поэтому на двухногих я смотрел, склонив голову направо. Нельзя сказать, что меня это не напрягало, хоть она и немного побаливала.

– Да ты как дед уже, – невесело отмечает Оля, замечая приобретённое. Я укоризненно отвечаю, что сама она, как дед. Я ещё молод душой, и телом – тоже. Просто приболел, будто мне впервые. Сама-то постоянно болеет, и никто её

бабкой не обзывает. Чем я хуже?

И всё бы ничего, но данное Олей «дед» стало моей неформальной кличкой. И Галя стала ко мне так обращаться, словно ей так больше нравится. Сначала меня это вводило в ступор и раздражало, ведь меня зовут Шева! По-моему, вполне себе достойная кличка! А Дед... Меня стали так называть даже по прошествии времени, когда моя голова перестала напоминать чугуна, и я уже мог держать её ровно. Даже Шевой уже никто и не называл. А потом стерпелось и слюбилось. Я всегда отвечал, когда ко мне так обращались. В конце концов, ведь изредка надо же иногда идти на уступки.

Пришла к Гале некая подруга. Я, как истинный добродушный хозяин, всячески увивался возле неё. Хоть она долго сидела, но во мне хватало сил и желания бегать вокруг неё и болтать на своём кошачьем. Она отмахивается, увлекаясь лишь долгой пустой болтовней с Галей. Ещё она пьёт ту жуткую гадость под названием «чай».

Только Оля находит моё рвение пообщаться забавным.

– Дед, ты так радуешься гостям?

– Ага. – Отвечаю я, едва не прибавив в раздражении: «Могла бы при посторонних двуногих меня не называть дедом, бабуля».

Но вообще, я действительно люблю встречать людей. И в этом не было ни доли меркантильного мотива. Никто не носил мне ни колбаски ни рыбки. Просто интересно было на-

блюдать за другими двуногими. Иногда они возвращались, и не раз. Не знаю, что мной двигало. Наверное, врождённое любопытство. Другие коты гуляют себе на улице и всё такое, а я дома сижу. Некоторые двуногие проявляют ко мне интерес, не без помощи Гали, которая любит отмечать моё присутствие рядом.

Но вот не всем я выражаю сердечную радость. К примеру, я не в восторге от неких личностей со сомнительным поведением. И от детей. Они шумные и непредсказуемые. Хотя и двуногие, но подозрение по отношению к ним просто зашкаливают. Может, это инстинкт предварительной самозащиты. Но я всегда предупреждаю шипением, чтобы меня не касались. Вообще. Но нет, иногда лапают. Оля, конечно, этому содействуют, и при ней не сильно зверею. Неохота выслушивать чужие крики вперемешку со слезами с одной стороны и гневные укоры – с другой. Однако я таки добился, что меня не трогали. Я мог даже выходить в комнату, когда там скакали малые. Уж если что защищаться я мог.

Жизнь номер девять. 15 лет.

Пришло время прощаться

Который день продолжается изнуряющая жара. Сколько раз я бы не переживал её, но каждый раз, как самый первый. Самое страшное, что я не могу лежать на кровати с хозяйской. Она высунет голую ногу из-под тонкого пододеяльника и вертится, как заведённая кукла. Хотя на меня иногда по ночам накатывает, и я по инерции прихожу и кладу свою чугунную голову и лапу на её ноги.

– Боже, мне жарко... А тут ты ещё подбавляешь пару... – ворчит она в полудрёме, но не ничего не делает.

Впрочем, я недолго прохлаждаюсь возле неё, и встаю прочь в коридор. За окном поднимается яркое солнце, и я по привычке начинаю кричать.

– Хватить глотку драть! Дай людям поспать! – ругается Галя, но при этом встаёт. Затем она основательно копается на кухне, не забывая накормить меня. Несмотря на духоту, аппетит оставался у меня отменным. И я почти всегда оставался голодным. Оля давно встаёт в самую рань, так что при виде тарелки в её руках, я приближаюсь. Делаю максимально страждущий голодный взгляд. Она – добрая душа, не может отказать мне, отламывая от своей порции почти всё.

– Не верь коту, он ел. – Предостерегает в каждом втором

случае Галя, но кто станет её слушать? Уж мне можно давать целые платные лекции на тему того, как мастерски манипулировать хозяевами. Заодно и на деликатесы заработаю, чтобы не слушать, что на работу не хожу, а значит негоже нагнеть. Типа: «Кто не работает – тот не ест». Шутки шутками, но редкий завтрак Оли обходился без моего участия. Пусть бережёт фигуру, она ж этого так хотела.

Но это утро выделялось. Нет, снова жара выводила из строя всех и вся. Брат Оли этим летом очень рано вставала, чему я безмерно радовался, так как кормили раньше обычного. Он делал это, чтобы не мучиться на работе в самый пик природной бани. Однако даже ранним утром, когда температура воздуха – самая низкая, уже нечем было дышать. И с этой целью он приоткрывал дверь в подъезд для создания небольшого освежающего сквозняка. Оля пока спит, остальным я по барабану... Мои лапы несли куда не следует. Ух, а здесь и правда не так душно. Холодная советская плитка приятно охлаждала мои раскалённые подушечки лап. Благо, меня успели покормить, так что желудок не станет надоедать своим бурчанием. Моё незапланированное путешествие не ограничилось лишь проходкой возле нашей входной двери. Я поднялся наверх. Да, наверное, мной двигал ностальгический порыв, связанный с серым толстым драчуном, жившего квартирой выше. Но там двери были уже другие и закрытые, и никакими котами не пахло и в помине. Но я не торопился спускаться обратно. Ведь нельзя же всё время валяться

мешком дома? Вон двуногие постоянно куда-то уходят и не берут меня с собой. А ведь я много раз ходил за ними по пятам, говорил: «Возьмите и меня, пожалуйста!» и торчал под дверью. Но безуспешно. Так что, сейчас я решаю, где мне гулять.

Снизу доносится голос брата Оли и звук закрываемой двери. В замке поворачивается ключ... Судя по тому, что он с кем-то разговаривал, и ему не отвечали – беседа была телефонной. Я лениво стал спускаться, так как всё равно наверху нет ничего интересного. Но к моему сожалению, его уже не было, а дверь и правда оказалась закрытой. Сложившееся положение меня начало напрягать. Одно дело ходить по подъезду, зная, что ты можешь спокойно вернуться к себе через приоткрытую дверь, а совсем другое – оказаться одному и без возможности вернуть попу в родное местечко.

Пока я в ужасе стоял перед закрытой дверью, пытаюсь подавать голос, мимо прошёл незнакомый мне двуногий. Я инстинктивно отошёл к стенке, готовясь на всякий случай защищаться. Ответом мне было равнодушие. А могли бы в дверь постучать, что ли! Помочь достопочтенному бедолаге, решившего поискать приключений на свой длинный хвост. Вообще, мало кого я знаю из жителей в этом доме. Соседка, с которой общалась Галя, давно не являлась на горизонте. Я ей, кстати, нравлюсь. И всё. А нет, есть ещё одна: Галя тоже с ней любит поболтать, но на балконе. Соседка выглядывает в окно, которое находилось рядом, а я, как очень воспитан-

ный в лучших традициях устоявшегося этикета, здороваюсь с ней. Оля, как видит эту картину, очень улыбается по поводу этого. Странно, а что так делать не стоит? И Галя тоже по-своему веселится.

– Что, дед? Любишь с людьми разговаривать?

Интересно слышать подобное. Не раз слышал от неё, что я – этакий бестолочь: сколько лет живу с людьми, а разговаривать не научился. Как же так? А что я делаю годами, когда открываю рот? Говорю всё, что в голову придёт! И только зря стараюсь, ведь в 99 % случаев меня не понимают вообще. Только огорчаюсь по этому поводу. И мне такое заявлять, что я якобы не умею вести беседы. В последние годы, я только и делаю, что болтаю без умолку, на что слушаю, что я просто кричу. Поэтому понимаете, каково мне было слышать глупый вопрос о том, что люблю ли я разговаривать с людьми? Конечно, люблю! Я никогда не делаю то, что не люблю и не хочу. В этом и есть огромное отличие между нами, котами, и людьми.

Опять я отвлёкся, прошу прощение. Постояв немного возле своей запертой двери, я начинаю осматриваться. Вижу коврик возле ближайшей двери. Что ж, может Оля не станет именно сегодня наблюдать сны до обеда, и мне не придётся тут долго находиться. Ведь в моём возрасте положено сидеть в своём доме и не испытывать вредную вещь, как стресс. Плохо, что я так думаю уже задним числом. Как говорится: когда мудрость раздавали, я стоял в другой очереди. Ладно,

коврик мягкий, и прохладненько, так что можно и полежать немного.

И меня немного сморило; видимо, сказывалось чудотворное действие перенесённых переживаний и небольшого сквозняка. И спал бы себе до отвала, но дверь соседей, под которой мне приспичило отдохнуть, стала открываться. Я из-за обуявшего меня ужаса оцепенел и не вставал с места.

– Помогите! – кричу я в пустоту. Ух, кажется прекратилось. Но на том не закончились поводы взбудораживаться: мои чуткие уши улавливают голос Оли. Кажется, она спрашивала обо мне. Я аж привстал и даже мяукнул в сторону нашей двери. Не знаю, что подействовало: мой голос или двуногие склонны проверять всё, но в замке стал поворачиваться ключ. Я подбавляю ещё чуть-чуть децибел, чтобы уж наверняка. Как же я обрадовался Гале, когда она распахнула дверь. Её ищущий какое-то мгновение взгляд останавливается на мне.

– Как ты там оказался? Иди домой.

Как будто я сам не пошёл бы домой, не скажи она это.

– Ну, спасибо! Что-то долго искали. – Обиженно отвечаю я, неспешно ступая на порог. В коридоре меня сразу схватили и стали тискать. Оля прямо не может без этого. Галя ей рассказывает, что я выскочил в подъезд, и похоже, что просидел там долго. Затем Гале звонят по телефону, и она разговаривает какое-то время. Боже, почему двуногие так привязаны к этим дурацким телефонам? Но, к счастью, Галя

недолго болтала.

– Звонили, чтобы сказать, что Шева не давал выйти на работу.

И обе смеются, глядя в мою сторону. Правда Оля всё же возмущенно спрашивает, почему не уследили за мной.

– Мне, получается, даже спать нельзя, чтобы кот не выскочил из дому. Вам даже веник не доверишь, не то, что животное.

Ох, как же я разделяю её праведный гнев. Закрывать дверь перед старичком, у которого сердце-то пошаливает. В награду мне за перенесённое волнение Оля дала мне кусочек колбасы. И весь негатив испарился.

У меня появилось замечательное хобби: по утрам, когда хозяйке нужно сложить кровать, то я лежу до последнего. Делаю вид, что сплю, и вообще, это моя постель. Ну да, ночи оказалось недостаточно. Мне требуется не меньше 16 часов сладких снов в сутки. Ещё и это мягкое розовое одеяло, так что только последний дурак станет уходить с насиженного и пригретого места.

В идеале, она должна обратиться ко мне и приговорить: «Дедушка, мне надо сложить кроватку». Ну, ещё иногда: «Ты умненький, знаешь, чего я прошу». Знает, чертовка, как уговаривать. В большинстве случаев я поднимаюсь и выпрыгиваю прочь. Чаще иду пить воду в одной из двух банок, стоящих рядом с другом под кухонным столом. Да,

что-то я стал много пить, потому что жажда мучает с утра до ночи. Она заканчивает, и я возвращаюсь на сложенный диван и падаю возле большой подушки, которая часто мешает. Где и провожу много времени. Но бывает и так, что мой путь пролегает на кресло или лежанку в коридоре. Только моя врождённая вредность гнала меня туда, где Оля сидела по много часов, пялясь в свой телефон. Лепота, когда она меня прикладывает к себе, от чего я завожу свою мурчалку. Ей это весьма по душе.

У меня любимое занятие не ограничивается единственным числом. У хозяйки есть скверная привычка часто сидеть на свободном участке сложенного дивана. И на нём же есть или пить чай. Я, как истый борец за стройность двуногих, вольготно разваливаюсь заранее. Она – обладательница большого сердца не осмеливается прогнать меня, хотя было видно, что ей не совсем комфортно ютиться на маленьком свободном углу. При случае, я могу помочь ей с поеданием. Она возмущается и всё такое, но в итоге, неоспоримая победа остаётся за мной. Бедненькая, как бы она справлялась без моей помощи? Нет, чтобы сказать «спасибо», я выслушиваю длинные монологи, что я не голоден, и мне в рот никто не заглядывает, когда я ем. Но я никогда не внимал её словам всерьёз. Она постоянно что-то кому-то говорит, так что важнее были её дела. А кормила она меня и баловала без заметного желания сопротивляться моему ежедневному напору.

И утром она стала рано вставать, чему я безмерно рад. Ведь ночью мой желудок успевает переварить абсолютно всё, что было съедено за день, а Галя не даёт мне столько вкусенького, чтобы наестся. И поэтому как вижу тарелку в руках Оли, тут жедвигаюсь поближе. Главное, смотреть с широко раскрытыми глазами и при возможности приближать морду к источнику аромата.

– Ну, что ты опять голодный? – спросила что-то глупее, ей-богу. Я мяукаю и нагло лезу головой в миску. – Эн-нет, подожди, я тебе отломаю.

И ломает мне то кусочек куриной отбивной, то печёночных оладьей, то сосиску... Безусловно, я бегом всё это дело уничтожаю. Оля даже не успевает откусить свою долю, как я снова на стрёме. В итоге, она остаётся только с тем, что я не ем. Иногда я могу для вида ещё позасматриваться.

– Я тебе всё отдала, деда. – И мне в морду суётся большая тарелка с неинтересным мне содержимым.

И как же она обижается, когда я не доедал то, что усердно выпрашивал.

– Чтобы я тебе что-то давала!

И всегда она нарушала свою громкую клятву, хотя я постоянно не съедал до конца. Так и жили: я выпрашивал – она давала, я не доедал – она злилась.

– Дед, ну куда ты торопишься? – шутливо ругала меня Оля, когда я заскакивал на кровать, которую она не до кон-

да постелила. Мой изумленный взгляд ясно выражал мою мысль, что как раз это она медленно стелит, а не я спешу. Она бережно берет меня и ставит на пол, стараясь успеть закончить приготовление постели как можно скорее. Только она натягивает на одеяло плед для дополнительного тепла, как моя туша снова оказывается на кровати. Для меня это иногда было игрой. – Ну опять ты...

Оля в конце сдаётся и идёт чистить зубы. Не имею должного понятия, зачем ей это делать. Я вот не чищу, и ничего. Правда, что-то изо рта стало немного попахивать. Это я видимо переборщил с распитием бульонов из-под бычков. Один раз за ночь я выхлебал огромную миску, и запил, конечно же, водой из банок. Оля ругалась, что мне дают рыбу. Но никто не обращает на неё внимание, чему я рад. Имею ли я право на старости лет немного поесть в своё удовольствие? Еда должна приносить удовольствие. И никак иначе.

Я сижу посередине кровати, с выжиданием глядя в сторону ванной, где сейчас Оля. Я мог бы и лежа подождать, но как-то не хочется. Затем за чисткой зубов следует мытьё лица и прочее. Иногда я могу и под дверью караулить, чтобы обдать её громким мяуканьем.

– Чёрт, ты меня до инфаркта доведёшь! – замечала она, хватаясь за сердце.

Оля появляется в полутемном помещении, освещаемой только прикроватной лампой.

– Да наконец-то! – говорю я ей, когда она перешагива-

ет через порог. На умытом и намазанном лице царит лёгкая улыбка.

– Что? Хочешь на ножки? Будут тебе ножки. – Приговаривает она, готовясь ко сну. И здесь мне пришлось потомиться. Она никогда не спешила вытягивать ноги. Но это ещё половина беды. Бывало, что ей приспичивало встать чересчур рано. Вот спишь себе такой на тёпленьком и мягком, а тут:

– Шева, мне надо встать. – И не дожидаясь моего разрешения, снимает с ног и кладёт рядом. Я, естественно, никак не могу пребывать в диком восторге от вероломного нарушения идиллического сна. Правда, она всегда старается делать это с заботой и нежностью. Если она думает, что это подсластит пилюлю, то глубоко заблуждается. Но я ничего не говорю и даже лежу так, как меня положили. Оля умела понимать мои потребности. Ещё бы за столько лет и безнадёжный дурак научится.

И всегда, когда она возвращается к позе лежачего тюленя, я обратно вылезаю на ноги. Жаль, что она не лежит так, как мне хотелось бы. Чаще она спит в позе морской звезды, и мне приходится целую вечность выбирать лучший участок. Вот так поставишь лапы на одну из голеней и думаешь...

– Шева, ты мне сосуды передавишь. – Твердит Оля, не меняя позы. Более того, дёргает ногой. Эх, я не могу устоять и наконец-то ложусь кое-как. И наверное, за ночь я могу сменить сотню поз. Но всё равно, ни одна лежанка не сможет заменить эти большие тёплые ноги. Даже свои.

– Дайте мне воды, – кричу я, шастаясь по ванной. Вода в ведре уже не кажется свежей и вкусной, чтобы удовлетворить мои потребности. То в ванну запрыгну, то в унитаз заглядываю... Не то чтобы я совсем сошёл с ума или мне не меняют воду в банке. Я и сам не знаю, чего ищу. Знаю, что постоянно хочу пить, чего раньше со мной не было, когда достаточно было и воды в банке. Жестокая жажда хватала меня за горло, требуя всё больше и больше жидкости и как можно свежее. Особенно после парочки ночей, когда я втихую выпивал из мисок рыбный бульон. Впору начинать жалеть, что так бездумно ешь неположенное.

Запах изо рта стал слишком зловонным. А возле глаз всё время грязно. Ощущение лёгкости в теле стало очевидным не только для двуногих, но и для меня. Вылизываешься, а язык натывается на кости и собирает шерсть в избытке. В конце я бросил попытки умыться как следует, потому что самочувствие часто ужасно паршивое.

Утром я не хочу покидать мягкую постель с розовым одеялом. Но Оля стала в последнее время махать дурацкими штуками. Так что и сегодня не стало исключением.

– Дед, ты бы пошёл на другое место. Иначе тебе попадёт по голове.

Ага, разбежался. В итоге я с опаской смотрю, как она машет руками с этими штуками возле моей головы. Оба упряма в одном месте – это вам не шары гонять. В голову мне не

попадает, но голова и без этого будто разваливается. Давно не было дня, когда я уверенно мог сказать, что прекрасно себя чувствую. Я уже и успел забыть, каково оно – не болеть.

Проходит ещё несколько дней, и теперь меня всегда рвёт. Чтобы я не съел: куриное мясо, рыба, говяжья печень. В итоге я бросаю эту бесполезную затею впихивать в себя еду. Уж больно устал от спазмов и раздражения в горле. Хозяйка со слезами на глазах ходит за мной и убирает. Ох, знала бы она, как мне тошно, и я не только про физическое ощущение. На деле, я очень устал. Я не могу ничего. Кажется, моё тщедушное тело выворачивается наизнанку. К Оле я перестал идти спать. Для меня она была слишком беспокойной, и поэтому моей постелью стало кресло. Вот так уткнувшись головой в боковушку и дремлю. Так происходит и днём; часы слились лишь затянувшиеся мучения. Усталость не покидала ни на секунду, хотя спал я больше прежнего.

Глубокая ночь, которая снова не одарила меня освобождением от недомогания. Становится только хуже. Куда я иду, и что я делаю – не знаю. Рядом стоит банка с водой, но и её мне не хочется пить. До этого Оля пыталась напоить меня через шприц, и я обречённо глотал, что попадало в глотку. Даже это отнимало у меня последние силы. Так что, я просто нюхаю воду в банке и иду прочь.

Я хочу только одного – освободиться от этого дурного состояния и скакать, как ни в чём не бывало. Спать на ногах, выпрашивать еду, думать о своём кошачьем. В общем, де-

лать то, что делал всю жизнь. Ох, пойду я в туалет что ли.

Не знаю, зачем я пошёл в туалет. Но я лежу в миске и страдаю. Чей-то осторожный топот, и в дверях стоит хозяйка. Как всегда, лицо покраснело и опухло. Перед этим плакала она долго, прежде чем уснула. Сон оказался скоротечным. До меня дошло, что она очень переживает. Я ей кричу: «Помоги», а она подходит и рыдает, осторожно касаясь моей спины с торчащими позвонками и тусклой шерстью.

– Не кричи, пожалуйста, не кричи. – Шепчет она, глядя на меня с ужасом в глазах. Я встаю и иду обратно на подстилку возле входной двери. Хозяйка идёт за мной, и с осторожностью касается теперь уже моей лысеющей головы. – Потерпи, пожалуйста.

Я ничего не отвечаю. Смысл этих слов коварно ускользал. Я смотрел вперёд, ничего не замечая. Слышу тяжёлое дыхание своей двуногой. Моё не в пример тоже не выражало лёгкость.

Меня будто окутывает оцепенением. Я встаю и иду к входным дверям. Оля открывает мне первую, и я пристраиваюсь ко второй, что ведёт в подъезд. Между дверьми лежал туалетный коврик, который мне годился. Наверное, в моих мыслях просматривалась цель найти место, где мне стало бы легче. Но нет, везде плохо и жёстко.

Встаёт Галя и с ворчанием спрашивает, что происходит. Ей спать не дают, хотя за окном висела тяжёлая мгла. Будто я могу спать. Я уже забыл, когда впадал в приятное забытье.

В последние несколько дней мои сны были больше пародией на них. Спишь, но ощущаешь ужасную тошноту, боль, озноб и прочее. И всегда просыпаешься в состоянии, словно тебя трижды переехали танком.

Хозяйка отворачивается и идёт на свою кровать, не закрывая двери за собой. Но старшая взяла и закрыла её, а потом прогнала меня прочь с насиженного места между дверями. Я, немного подумав, посидел на лежанке, возле которой стояла банка с водой, любовно поставленная Олей. Когда снова стало темно, я иду к хозяйке. Судя по сдавленным рыданиям – она не может сомкнуть глаз. Ох, как же тяжело было открывать дверь – такое чувство, что двигаю тонну железа. Но, как всегда, она открылась, став мне своего рода вознаграждением за непосильные труды. И я с видом измученного победоносца иду вперёд; и обнюхиваю миску с постным бульоном из куриного мяса, стоящую возле прохода. Ой, фу; от остывшего бульона меня так не слабо затошнило. Желудок выплясывал невозможные па от затянувшего голодания, приносящие мне сильную боль. Потом принюхиваюсь ко второй банке с водой. Тоже как-то не хочется. И я прыгаю на кровать, прикладывая немало усилий. Моя любимая кровать. Сколько я на ней выжидал, когда хозяйка умоется и уляжется. А потом тут же ложился на ноги, растягиваясь во весь рост. И мурлыкал в своё удовольствие на голубом пледе в клеточку.

Но как-то совершенно нет сил делать то, что и всегда. Я падаю на свой ребристый бочок возле самой стены. Вроде

немного легче. Рядом вспыхивает свет от раздвижной лампы у окна. Хозяйка смотрит на меня и выключает её, но сама не успокаивается. Если бы мне помогали её слезы, о я был бы неуязвимым богатырём, не иначе. Я представлял собой кокон из боли, слабости, тошноты. Сон упрямо не шёл, и мне пришлось лежать с открытыми невидящими глазами. Вот бы ещё Оля не дёргалась, а то любой шум или движение усиливают мои мучения, которым нет ни конца ни края. Чёрт, да даже её дыхание мне кажется чересчур громким! Но уходить почему-то не хотелось.

Проходит немного времени, и я вяло меняю позу, так как та сторона, на которой я лежал, неприятно ныла. Теперь ложусь уже на другой бок. Голова чуть ли не идёт кругом.

Свет включается, и хозяйка с осторожностью касается моего бока, поближе к груди. Это её почему-то немного успокаивает. Она хватается свой телефон и что-то там читает. Эх, люди сколько времени вы тратите на эти непонятные штуки и не видите счастья под боком. Ну, я всегда считал людей несколько непонятными существами. Как же мне хотелось, чтобы она выключила свет, который причинял мне неудобства. От него мне словно хуже становилось: сильнее тошнило и даже болели глаза, как при ярком свете. Пойти бы на лежанку, да нет сил, и всё рано не видать мне покоя. Я кажусь себе таким обречённым...

Этот телефон в какой момент как заорёт, и она встаёт, чтобы поставить ужасно свистящую штуку – чайник. Но на

этот раз сделала так, что штука недолго свистела. Хватит мне и без того страданий. Как люди терпят окружающий их шум? До меня стало доходить, что придётся таки уходить с кровати, так как не было похоже, что Оля собирается униматься. Глуп я был, надеясь, что своими присутствием заставлю её спать и не плакать. Её слезы всегда вызывали у меня желание успокоить, но что поделаешь, когда сам становишься их причиной?

Она уселась с кружкой на кровати и громко хлюпает чай, едва не глотая слезы. Какая же она плакса. Я окончательно теряю терпение при виде этого, встаю, прыгаю и едва не падаю. Постояв немного, я иду в коридор через приоткрытую дверь. Укладываюсь рядом с подстилкой на голом холодном полу, хотя нельзя сказать, что меня бросает в жар, скорее – наоборот; мелкая дрожь проходит по моему телу. Даже сердечко билось слабо и нерегулярно. В туманной голове вертелся один вопрос: почему это состояние никак не пройдёт?

Пока Оля распивала чай, Галя тоже встала. Она смотрела в мою сторону, затем на Олю. Та ей заявляет, что меня надо отвезти к доктору, потому что нет сил смотреть на мои страдания. Я бы поддакнул, да только молча слушал. Галя что-то своё твердит, но Оля настроена решительно. Она взялась за одежду, в которой выходила на улицу. Я кое-как встал и неровной походкой снова подошёл к входной двери, давая понять, что вполне готов показаться доктору.

За окном начинало светать. Оля забегала по квартире, бу-

дучи одетой. И Галя одевалась, сохраняя хмурое выражение лица. Что ж, при ней мне будет намного легче.

Опа, передо мной появилась коробка. Правда, в ней ещё какая-то дурацкая тряпка, которую я видел на Оле раньше, но всё равно с удовольствием залезаю внутрь. Как раз мой размер, и голову можно положить на боковые части. Ох, так бы и лежал вечно. Сверху на меня кладут подстилку, но я не против почему-то. Снова мелкая дрожь прошлась по моему истощённому туловищу.

Но вслед за этим меня вместе с коробкой кладут туда, где я словно пропадаю. Я ничего не вижу, только сверху потолок и хозяйка, очень одетая. И Галя тоже рядом ходит в своей зелёной куртке, из-за которой выглядит больше, чем она есть. Не знаю, что они задумали, но кажется, мне и правда хорошо в коробке. А под подстилкой даже немного теплее, хотя я не мог достаточно согреться.

Ой, меня поднимают, сверху полоска закрывается. Чувствую, как подо мной зашаталось, и моя голова словно закружилась. А там, где головокружение – там и тошнота, усиливавшаяся с каждым неуверенным шагом Оли. Я лежу и кричу. Что кричу-то? Ну, требую, чтобы меня тут же оставили в покое в моей коробке. Себя бы так несли! И как вы могли догадаться, мольбы прошли мимо обеих пар ушей.

Двор, вечно голодные коты, снег, серое небо, люди в чёрном, трамвай. Кажется, где-то я уже видел это кино. Я встаю и высовываю морду. Передо мной хмурые лица. Да уж, мне

креститься на надо.

– Шева, спрячься! – просит меня Оля, поглаживая по голове. – Мы едем к доктору, чтобы тебе помочь. Ты сильно заболел.

А то я не мог догадаться, что нездоров. Но слушаюсь и прячусь, чтобы потом снова высунуть морду наружу и кричать. По пути я вспомнил все «прелести» у доктора, и из-за этого я передумал. Мне казалось, что Оля сгущает краски. Я могу и сам выкарабкаться, но она явно не соглашалась с моими доводами. Да помогите же, люди!

Вот и знакомый красный домик у оживлённой дороги. Меня показывают на стойке регистрации и приёма. Как это пугающе знакомо. То ли от испуга, то ли от холода извне, но я снова дрожал, как осинка.

Ждать не пришлось долго. Вышел молодой двуногий в форме, так знакомой мне раньше. Снова пугающий своей атмосферой кабинет. Хозяйка, как обычно, вытаскивает меня на холодный скользкий стол. Затем меня лапают две пары рук. Моё сердце, едва бившее, начинает скакать. Мне мерещится недоброе в действиях незнакомцев в синем. Сначала меня прощупывают, как кулёк с конфетами – мои глаза едва не лезут на лоб. Потом осматривают мой рот, из которого, стыдно признаться, пахнет слишком неприятно. После чего укладывают на живот, Оля держит за передние лапы, и помощница вставляет что-то в попу. Оу, зачем же? Мне и так там постоянно больно. В другом случае, я не оставил бы и

живого места за такие издевательства. Только хвост, яростно бивший о стол, прекрасно выражал мои мысли и чувства.

– Потерпи, мой хороший. Надо, доктора должны же знать, что с тобой, чтобы помочь. – Говорит мне Оля, но, думаете, это имело какой-то эффект? Будто меня кто-то когда-то спрашивал, так что от меня ничего не зависело.

Наконец-то мою задницу освобождают от длинной штуки. Услышанное только усилило грусть моих двуногих, но я ж был рад, что во мне не торчат посторонние штуки.

Но это был не конец, как мне хотелось бы; самое худшее случилось потом: меня укладывают уже на бок. Тазовые кости, прикрытые лысеющей шубой, ноют от твёрдой холодной поверхности. Хозяйке приказывают положить руку на мою шею. Ох, будто у меня есть силы оказывать сопротивление... Но в мою заднюю лапу что-то утыкается так больно, что я рычу и опять бью хвостом о стол. Такое со мной когда-то было у другого врача. Тот только и делал, что колот каждую клеточку моего маленького тела. Ну, я уже рассказывал об этом. Просто к этому нельзя привыкнуть. Такое чувство, что из моей лапы уходит жизнь, оставляя после себя жалкие остатки... Наконец-то они заканчивают меня терзать, и я снова отправляюсь в коробку. Ох и натерпелся я, что и злейшему врагу не пожелаешь.

Я уж было начал радоваться, что мои мытарства закончились, и мы возвращаемся домой. Хоть и на самочувствии это никак не отразилось – как было скверно, так и осталось.

Странно, конечно. Но, когда двуногие уселись на диване, меня осенило: видимо, никто не спешит идти со мной домой. Хозяйки стали чего-то ждать. Я привстаю и не понимаю, что происходит. Со мной собираются что-то опять делать? На душе словно мои сородичи нагадили.

– Эй, хозяйка! Я больше не хочу находиться здесь! – кричу я ей, но она шепчет мне, что надо молча посидеть. Я верчусь, а вдруг это сработает? Но нет, меня продолжают утешать, что мне нужно дождаться каких-то результатов и что меня надо лечить. Лежать, как ни в чём не бывало, я не мог. Казалось, что только сидя я сумею показать Оле, что не нуждаюсь в варварских методах лечения.

Открывается входная дверь с улицы, и на проходе появляется большой чёрный пёс. Ого, даже они попадают к плохому доктору. Как можно было про это забыть! Я смотрю с любопытством на него. Он сидит такой большой и с трудом дышит. Двуногих с собакой приняли не так быстро, как – моих со мной. Через пять минут я потерял интерес к собаке и отвернулся в другую сторону, где шумел холодильник с бутылками, наполненных водой.

Ох, а мне так тяжело, что застываю истуканом. Затем я пытаюсь лечь, но почему-то облегчение не приходит. Я снова встаю и кричу, что хочу уйти отсюда.

И снова та же мольба сидеть спокойно. Помимо этого я слышал от Оли и Гали, что надо потерпеть, что доктора проверяю мои анализы и всё такое. От этого мне было ни холод-

но ни жарко. Хотя нет, меня опять знобило. От дурного состояния я закрыл глаза и так сидел, опустив слегка голову.

Моё застывшее положение терпит изменение: меня вместе с переноской снимают с колен и ставят на диван возле Гали. Оля, подумав немного, встала и подошла к какой-то штуке, куда я глядел в последний раз. Вскоре в её руке появился стакан с водой.

– Может, водички попьёшь? – спрашивает она с надеждой. Я отдалённо почуяв воду, убираю морду подальше от стакана. Даже вода мне противна.

В итоге Оля сама пьёт эту воду, едва сдерживая свои эмоции. Очевидно, что я своим отказом рушил её надежды на лучшее. Эх, будто я специально так поступаю.

Проходит ещё немного времени. Я сижу, так как не могу лежать. По моему несчастному тельцу проходят лёгкие судороги. Одна за другой. Кажется, дела мои совсем плохи. Я чувствую, что что-то должно произойти ужасное. Двунюгие вслух выражают нетерпение: ведь пришлось сидеть целый час в ожидании результатов. И мои муки олицетворяли затянувшееся ожидание. Не только мне было больно, но им, хоть и не физически. Олины слова успокоения влетали в одно ухо и вылетали из другого. Я так устал, но ничего не могу с этим поделать, и то только усиливало мои страдания.

Когда судороги перестали меня терзать, я попытался снова вылезти из коробки. Но черта с два: хозяйка не дремлет. Она снова усаживает меня на место, и тут же нас вызывают.

Я в ужасе осознаю, что мне сделают что-то очень нехорошее. Мои крики, должно быть, было слышно в соседних городах.

Двуногие заходят со мной в другую комнату с жалюзи на окне, за которым шумно разъезжали автомобили. Оля с Галей снова уселись на стулья, но уже в ожидании вердикта.

– Мы посмотрели анализы. Всё очень плохо. Он долго не протянет.

Мрачные лица моих двуногих стали ещё серее и унылее. Так выглядит лишение последней надежды. Если Галя просто с печально смотрит в мою сторону, то Оля достаёт меня из переноски и кладёт к себе на колени. Она пытается меня обнять, но рука тянется к лицу, где уже предательски текли слёзы. Я не понял, что именно имел в виду врач, но становилось понятно, что со мной не всё в порядке. Вообще. Оля кое-как схватила меня и прижала к груди, или точнее, к куртке. Она лихорадочно гладила меня по костям, прижимала к лицу, приговаривала:

– Прощай, мой хороший. Прости меня. Мне будет тебя так не хватать....

– Эээ, ты что хочешь сказать? Я останусь здесь и надо мной будут издеваться? Ты не посмеешь! – умоляю я Олю и Галю. Галя же вопреки моим мольбам просто гладит меня по передней лапе. Я ничего не понимаю, и снова судороги...

Потискав меня едва не до хруста костей, Оля усаживает меня на стол. Она делает вид, что слушает доктора, но на деле она смотрела на меня. Руки проходили по моей спине.

Мне почему-то перестало быть страшно. Возможно, я просто окончательно устал и поэтому становился морально готов к тем мучительным процедурам. Что ж, я постараюсь с честью перенести их, чтобы снова радоваться жизни. Ждать весны, съесть отбивную, выпрошенную у Оли, смотреть за птицами на балконе, встречать гостей... Наконец-то Оля перестала ёрзать меня. Однако наступила очередь Гали, которая сказала мне: «Пока, дед» и погладила по голове и по лапе.

– Можно я останусь при эвтаназии? – спросила Оля скорее в никуда, на что Галя спросила, что зачем ей это. Та ничего не ответила и направилась к дверям. Я же посеменил к углу столу, поближе к окну. Прилёг и стал провожать взглядом моих двуногих. Ничего, я всё вынесу, чтобы снова вернуться домой здоровым.

Скоро меня взяли и подвинули к другому краю столу. Как всегда, меня уложили на бок, и я для вида порычал в усы. Судороги всё чаще проходили по моим измученным мышцам и органам. Помощница доктора придерживала возле головы. Боже, да сделайте что хотите, всё равно я никому не окажу сопротивление. Я хочу, чтобы мне полегчало и чтобы я мог быть уже дома. В мою заднюю лапу вводят один укол. Жаль, что Оли нет рядом... Вопреки моим прежним заблуждениям, с ней мне было куда спокойнее. Тело немеет. Какая благодать после всех этих мук... Доктор внимательно смотрит в мою морду. Не знаю, что он там высматривает. Затем он

снова что-то делает, но я ничего не ощущаю. Зато по моему телу проходит в очередной раз сильная судорога. И мои веки закрываются... Наконец-то я смогу поспать...

Послесловие

"...укор мёртвых – самый страшный укор, потому что от них не дожидаться ни прощения, ни сожаления, ни жалости к сотворившему зло кающемуся грешнику."

(Гавриил Троепольский «Белый Бим Чёрное ухо»)

15 лет и 3 месяца меня сопровождал по жизненным терниям настоящий друг. Усатый, полосатый и хвостатый. В народе и во всех временах считается, что только собаки любят людей без остатка и какой-либо корысти. А значит, они больше котов достойны тех почестей, возлагаемыми на них как в литературе, так и в кино, с чем я не могу полностью согласиться. Кот коту рознь. Моё желание рассказать про друга, ушедшего на радужный мост, это и объясняет.

Шева – не был простым котом во всех значениях этого слова. Он шкодничал, привередничал в еде, не был достаточно игривым, временами настойчиво требовал внимание; ему не хватало каких-то черт характера вроде тяги к ласкам и так далее. Это нормально, нет совсем уж безупречных котов, а они бывают ещё и с разными характерами.

Но у него хватало существенных достоинств: умом не был обделён, давал себя потискать лишний разочек и не изворачивался, всегда был рядом в многочисленные минуты ханд-

ры, смешил своими проделками, которых прибавлялось с каждым годом. Продолжать можно до посинения. Хорошее со значительным отрывом перевесило плохое; да и кто идеальный? Люди таковыми не бывают при наличии развитого интеллекта и физических возможностей, но почему тогда с животных требуется больше, чем они могут дать? При всём этом, я смею утверждать, что у меня был кот – само совершенство. Для каждого хозяина свой питомец всегда самый лучший.

Когда Шева появился в моей жизни, за мной числилось довольно чётко озвученное нежелание иметь питомца вообще. Не потому что я испытывала равнодушие к собакам, кошкам и другим животным. Отнюдь, очень даже любила и люблю. Просто в то время я успела пережить неожиданную гибель котёнка, полную ужасных предсмертных страданий. Я ежедневно винила себя, что не уберегла его и даже поспособствовала трагическому финалу. Сколько всего он пожил? Ну, чуть больше трёх месяцев? Считай, не рождался совсем. Мимолётная жизнь в пределах Галактики. Поэтому я не хотела испытывать снова эту боль, с которой будешь до самой смерти или старческого маразма. Душевная боль, в отличие, от физической, практически не пропадает, разве что притупляется со временем. Однако моего мнения никто не спросил, а отказываться от несчастного испуганного котёнка с большими прекрасными глазами я не могла. Что его может ожидать в случае моего отказа? Как хорошее, так и плохое. И я

не стала не стала испытывать судьбу и взяла на себя ответственность. Нельзя сказать, что это была любовь с первого взгляда; со мной такое не случается. Всех животных я всегда любила на расстоянии; чай не игрушки, которые лежат себе и собирают пыль. Только и всего. Да и ты не всякому понрависься, мало ли. Но у меня и у него было полно времени, что прикипеть друг к другу. Этот маленький пушистый комочек, полного чудес и забав, сумел быстро в себя влюбить. Он подрастал, а вместе с ним – и моя привязанность. И вот он – взрослый кот – не менее интересный, чем в детстве. К этому времени у меня было достаточно причин его отдать куда подальше, как мне выговаривали после его очередной проделки. Но глядя в эти зелёные глаза, я понимала, что лучше руку свою отдам, чем избавлюсь от него. Некоторые так и решали проблему, но подобный вариант мне всегда казался непростительным кощунством. Я называю подобный шаг предательством.

Впервые я ясно осознала, что могу потерять его во время его внезапного исчезновения во дворе, описанного ранее. Вот он был рядом всего пять минут назад и травку жевал, а тут его нет, хотя далеко никто не отходил. Искала его и у соседки, чья квартира всегда оставалась приоткрытой для собственных и дворовых котов. Затем опять же безуспешные поиски в соседнем дворе, где строился многоэтажный дом. Только третья попытка окончилась благополучно. Судя по невинному выражению морды, Шеве было невдомёк, что он

полез в опасное место, где находилась собака. Почему его туда понесло – до сих пор не могу понять. А ведь был и поводок, и всего каких-то несколько минут, едва не обернувшись потерей навсегда. Товарищ всегда был сам себе на уме, и в этот раз не изменил себе.

Но худший день наступил через полтора года, с лёгкостью переплюнувший предыдущий. Никаких собак, плохих мальчиков, наезда машин или падений с высоких этажей. Всё очень прозаично – беда показала в доме, где у кота была пища по его придиричивому вкусу, тепло от меня и батарей, а также любовь со стороны домашних. Это сравнимо с громом среди ясного неба. У него оказались проблемные почки, о чём никто не догадывался. Вы спросите, а почему, собственно, его никто к ветеринару не водил за столько лет? Ну будем честны: люди и ради себя не обращаются к докторам, что уж говорить про питомцев. Кошек он как-то не просил, а так не было других поводов для визита к ветеринарам.

Вдобавок это было время, когда Интернетом пользовался не каждый человек. И мы к небольшому числу счастливых не относились. Даже телефоны, навороченные на тот период, и кое-какой выход во Всемирную паутину, не могли обеспечить тем доступом к безмерным кладезям информации. Для меня даже «гуглить» звучало, как какое-нибудь слово из могучего китайского языка; до него оставалось почти пять лет. Была какая-то очень старая книга про котов – страницы едва держались между собой – она тоже не содер-

жала ту информацию, которой можно было бы нас просветить. Поэтому диагноз «Мочекаменная болезнь» одновременно и не говорил ни о чём, и пугал. Сухие корма я практически не давала, потому что в свои десять лет вычитала в журнале, что он приносит лишь один вред, особенно домашним лежебокам. Да и влажными не пичкала на постоянной основе. Так, чисто побаловать изредка. Шева всегда ел натуральную пищу, причём самое вкусное, что не всегда означало полезное. Рыбу, колбасу, сыры, молоко и прочие продукты, которые он настырно выпрашивал у всех. Изредка кот не отказывался от жареного картофеля или кусочка жирных блинов. Получается, что мы только вредили своим невежеством и желанием потакать гастрономическому критику. Только усилиями ветеринарного врача, оплачиваемыми личными на то время денежными вливаниями, нам удалось вырвать Шеву из того света. Первоначальное предложение усыпить я приняла во штыки. В моей голове не укладывалось: как молодой кот так тяжело заболел и теперь умирает? Три года? Нет, не так: ВСЕГО ТРИ ГОДА? Целый завод по выработыванию огромных булжников? Но мы не сдались. Шева вышел победителем, хоть и держась из последних сил. То было очень удручающее зрелище.

Очередной серьёзный приступ не заставил себя долго ждать: прошёл только год. Но на этот раз он выкарабкался сам. Чем не борец?

Однако в шесть лет снова понадобилось врачебное вме-

шательство. Шева, вопреки нашим надеждам из-за благополучного исхода на втором разу, не в силах был справиться в одиночку. На этот раз пришлось топтать в другую клинику, так как первая закрылась чуть не сразу после нашего последнего визита в рамках курса. Однако Шеве было так же плохо и страшно. Разве что нам больше одного раза не понадобилось: Шева уже после того посещения врача стал приходиться в себя и снова мог делать свои «дела». То ещё паршивое ощущение вечного ожидания подвоха. Но организм то ли принял болезнь, то ли ещё что-то, но с того времени мы больше не наблюдали обострения МКБ.

Вот так и пролетело незаметно семь долгих лет. Оглядываясь назад и не верю, что время может так быстро пролететь. Будущее становится прошлым, и так в течении жизни. Всякое случалось, но неизменным оставалось одно: постоянно дремлющий то на кресле то на диване комочек счастья. Он уже не страдал от ужасных приступов. И наверное, это сыграло с ним злую шутку: мы уж решили, что его организм прекрасно справляется, а значит, нет смысла дёргаться из-за мелочей. Нельзя сказать, что питаться он стал лучше. Мои попытки давать ему полезные продукты, как домашний паштет с кашей и морковкой или кашу, заканчивались его смачным плевком вокруг себя и меня. Но зато стали давать ему чаще термически необработанное мясо курицы и говядину. Рыба – же редко появлялась перед его носом. Однако я была против того, чтобы он вообще её ел. Но кто имеет питомца

– знает, как тяжело отказывать ему в любимых вредностях. Если мы употребляли рыбу – ел и он. А тем временем сказывалось непреодолимое действие времени, усугублявшее нашу беспечность. Старость у котов наступает на шестом-седьмом году жизни, если верить докторам по животным. А Шewe, на минутку, стукнуло, 14. Учитывая, как он едва не отдал душу Всевышнему в молодости, то его можно считать что ни на есть долгожителем. И основания тому были ещё и потому что в доме не осталось кота, старше его.

Я в последние годы не могла поверить, что он продолжает радовать меня своими существованием. Так и говорила, что он живёт назло всем, и это достойно медали. Под этим подразумевалось, что его предлагали усыпить в три года. А тут с такой болячкой – и протянул больше десяти лет. Но даже его упрямство и воля к жизни не могли ничего противопоставить нашему безалаберному отношению. Точнее, в первую очередь, моему. Отсутствие в графике обязательного пункта, как «Ежегодная проверка у ветеринара» и пересмотра питания, игнорирование тревожных звоночков – исключительно моя вина.

Жаркий августовский день. Кот перестаёт есть и пить. От принудительного кормления рано или поздно его рвёт, пусть даже это жидкое пюре из каши и желтка. Больше я не выдерживаю и собираюсь в клинику. Но так сложилось, что и трамвай не ехал, и пришлось выслушивать на остановке, что оно само пройдёт. Кот, словно устав слушать жаркие споры,

благополучно выскакивает из самодельной переноски и бежит по траве к дому. Хватаю его на половине пути и несу во двор. Не знаю, чем я думала. Но ему тогда что-то помогло. То ли жевание травы, то ли организм был ещё в состоянии бороться. Но к утру следующего дня он уже начал есть и пить. Только голова подозрительно свисала набок. Только слепцу не очевидно, что у него возникли серьёзные проблемы.

Первый визит за восемь лет к врачу я наносила с робкой надеждой, что его спасут и на этот раз. Капельницу поставят или уколы дадут, хоть я не исключала самую крайнюю меру. Смотреть, как он бессильно и бессознательно прохаживается по квартире, как привидение – было выше моих сил. Я ему твердила, что всё будет хорошо, что ему не надо срываться на крик и пугаться до потери пульса. Но как оказалось, я обманула и его, и себя. Он не был старым; возраст здесь просто цифры. Он хотел жить. Он хотел и дальше спать на моих ногах, не интересуясь моим удобством. Выпрашивать у мамы кусочек неважно чего. Наблюдать за голубями на балконе. Очень жалею, что не держала его за лапку, когда ему вводили смертельный препарат. Подписать бумагу, и через пару минут его уже нет... «Ему много не понадобилось» – сообщил ветврач моей маме, когда выносил моего Шеву в пелёнке. Даже тогда я не смогла его увидеть, чтобы окончательно убедиться, что его больше нет. Понять, что его сон теперь вечный, а телесная оболочка останется в прошлом. Так быстро его унесли за моей спиной, пока я стояла и пыталась совла-

дать со своими эмоциями. Единственное, что я вынесла тогда – бездушные счета за анализы и процедуру, ускорившую его неизбежную смерть. Да, именно так. Был, конечно, выбор забрать его домой и смотреть несколько дней, как органы постепенно отказываются, вслед за почками, а он не понимая, мыкался бы из угла в угол в предсмертной агонии. Врач сказал, что всё очень плохо и запущено, и у него нет шансов выкарабкаться. В 10 часов утра 29 декабря 2018 его веки навеки сомкнулись, чтобы больше никогда не открыться, обнажая умные глаза.

А ты возвращаешься домой, где, как всегда, уже не встречает вечно «голодающий» кот с громким назойливым мяуканьем и поглаживанием всего и вся. Вместо этого ты натыкаешься на сочувственные братские объятия с теми же циничными словами: «Он и так долго прожил. А вот у того коты живут меньше пяти лет». Боже, да когда бы не ушёл любимый питомец, всегда будет казаться, что он слишком рано ушёл из бренного мира! В груди так давит, а в рот ничего не лезет. Многое, что ты так любил, потеряло смысл в один миг. Сложно осознавать, что некому больше лежать на углу дивана, выпрашивать отбивную, греть ноги... Стены хранят воспоминания, и так хочется слиться с ними воедино, размазывая слёзы по щекам.

Хоть с того дня мне и пытаются внушить, что он прожил очень много, но я по-прежнему не могу это принять. Даже спустя долгое время в моих снах Шева всё так же жив, где

я ему говорю:

– Ты живой! Живёшь назло всем, любимый деда...

Вот такое оно, подсознание, отказывающее верить в случившее. Хоть впадай в летаргический сон, чтобы снова болтать с ним, игратья и обнимать. Этого я и желала, испытывая жгучую ненависть к жестокой яви.

Потом не раз и не два ловила себя на мысли, что легко сдалась. Что надо было требовать лечения. А при отказе – везти в другую клинику, и так далее. В общем, пытаться до последнего, а не верить, что положение – довольно безнадежное. И попрощалась с ним не так, как следовало. Омыть слезами, гладить его и говорить «Прощай», прежде чем покинуть процедурную – достаточно ли? Он сидел на краешке стола и смотрел в мою сторону. У него была надежда, и она действительно умерла последней. Хотя с другой стороны, Шева, наверное, осознавал, что ему приходит конец, раз так кричал, вырывался и дрожал последние два часа своей короткой жизни. А может, милосерднее было бы отпустить его на улицу, где бы он нашёл своё последнее пристанище под зимним небом?

И вот анализируя это после необратимой смерти Шевы, я понимаю, что сама виновата. Если бы год назад я не развернулась обратно домой, то в клинике ему бы прописали лечение и диету. Оно помогло бы его несчастному организму и дальше работать. А ещё лучше, конечно бы, надо было нести его на ежегодную проверку после той истории с первым при-

ступом. А не кивать всё на проявления старости. Из рта пахнет – не признак нормы; усилившаяся жажда и учащенное мочеиспускание – тоже плохой знак, и так далее. И он поплатился своей жизнью, которая всем нам даётся лишь единожды.

Мы, кто обладает питомцами, в ответе за них. Но каждый ли из нас по-настоящему вникает в это? Кто это как понимает? Кормить? Держать в тепле и уюте? Не бить? Покупать игрушки? Но всегда ли прилагаются достаточно усилий, чтобы подарить коту или собаке сполна, чтобы потом не корить себя? Я считаю, что сама убила его, и это не только про эвтаназию. Меня не покидает чувство, что я всё делала с приставкой «недо-»: недодала, недоследила, недонесла, недолюбила и так далее.

Зачем я решила написать историю Шевы от его лица? Наверное, в первую очередь, чтобы увековечить его память. Он не был звездой мемов или видео, но это не значит, что он хуже Грампи Кэт и ей подобных. Его история должна донести мораль для каждого раздолбая вроде меня.

А ещё, к сожалению, воспоминания имеют свойство стираться со временем, становясь смутными и отдалёнными. Вот я уже не могу вспомнить его запах. Но есть, конечно видео и фотографии, которые не дадут даже отчасти забыть его облик и голос. Уж за это стоит благодарить современную цивилизацию за возможные блага. Но никак не память...

В общем, лучше не повторяйте моих непоправимых оши-

бок и не кивайте ни на возраст ни на обстоятельства. Хоть питомцы стоят в общем на ступень ниже, но то не означает, что их смерть, тем более преждевременная, не опустошит душу. Нет, если ты действительно любишь, то после ты будешь вынужден собирать своё разбитое сердце по кусочкам. Вот тебе так не хватает его мяуканья по утрам, приветствия на пороге дома, наглого вмешательства во время обеда... Можно взять другого кота, но дело не в этом. Если кот, собака, морская свинка и другие становятся чем-то большим, чем просто животным, то обязательно пойдут сравнения не в пользу нового члена семьи. Плюс это уже другая история без привязки к тем многочисленным моментам радости, которые терзают душу не меньше мыслей о печальных эпизодах.

Любите и берегите своих четырёхлапых друзей, не повторяйте моих ошибок, и спасибо за внимание.